

Ш. А. Амонашвили

САЛОМЕЯ

ВОИН СВЕТА

Шалва Александрович Амонашвили

Песнь Великой Любви.

Саломея. Воин света

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628727

Песнь Великой Любви. Саломея. Воин света: Свет; Москва; 2014

ISBN 978-5-00053-373-4

Аннотация

Удивительная, полная загадок, волшебных тайн и опасностей история героев сказки «Амон-Ра» продолжается. Вы снова встретитесь с полюбившимися вам героями и узнаете об их новых приключениях. Легенда будет интересна как детям, так и взрослым.

Книга предназначена для чтения родителями детям.

Содержание

Саломея	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	66
Глава 8	74
Глава 9	83
Глава 10	95
Глава 11	106
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Шалва Амонашвили

Песнь Великой Любви.

Саломея. Воин света

© Амонашвили Ш.А., 2014

© Оформление. ООО «Свет», 2015

*** * ***

«Дела их идут вслед за ними» (Откр. 14:13)

Саломея

Глава 1

Ювелир Захарий и не думал искать тропинку к Пещерам Философа, он был полностью погружен в свои мысли, а ноги его, как будто эта тропинка ими и была протоптана, уверенно вели своего хозяина.

Слухи о распятии на кресте невинного человека, которого народ звал Иисусом Христом и принимал как Бога в человеческом облике, сильно потрясли его. Ему не довелось увидеть Христа, убедиться в Его всемогуществе. Но молва, которая шла о Нём по всей Иудее, вызывала глубокое почтение к Мессии и почитание Его мыслей и идей. Самым впечатляющим для Захария был рассказ маленького чудо-мальчика Амон-Ра, который вместе с друзьями поехал к Горе Оливковых Деревьев, чтобы послушать проповедь Иисуса Христа. Он и рассказал старому ювелиру о заповедях Христа, о Царстве Небесном. Амон-Ра рассказал ему ещё о притчах Иисуса и о том, свидетелем каких событий стал сам: о чудесах исцеления слепых и прокажённых, калек и одержимых.

Старый ювелир, обречённый судьбою на одинокую жизнь, любил Амон-Ра как сына и опору своего духа. Услышав его убеждённый рассказ о Христе, он проникся великой любо-

вью к Богочеловеку, а радостную весть принял как давно искомую веру.

Но вот до него дошли слухи, что на днях по приказу наместника кесаря Римской империи Иисус Христос был распят на кресте. «Где Амон-Ра, почему его так долго не видно, он бы рассказал мне обо всем!» – думал Захарий с грустью.

Вчера он стал свидетелем события, которое тоже сильно повлияло на ювелира. На площадь Города вышли фарисеи и книжники, чтобы торжествовать распятие Христа.

– Богом себя возомнил... Царем хотел стать! – кричали они и всячески поносили мысли и дела Мессии.

Народ, который собрался на площади, вначале терпеливо слушал их. Но один человек не выдержал столько лжи, ибо сам был свидетелем чуда Христа – Он снял с него проказу.

– Ах вы, клеветники и завистники, безбожники и невежды... – закричал он возмущённо. – Разве не вы видели меня – прокажённого – и обходили стороной, плевали на меня? А Он, Мессия, взял мои грехи на себя и исцелил меня! Как вы смеете хулить Святого, когда каждый из вас тонет в грехах своих?! – потом он обратился к толпе, – неужели среди вас не найдётся тот, кто тоже слушал живое Слово Сына небес, или же был Им исцелён?.. Чего и кого вы боитесь! Скажите этим гнусным клеветникам правду, защитите Сына Бога!

Действительно, среди собравшихся оказались много о тех, которые на себе испытали Благое Божественное могущество Иисуса, хоть раз слышали Его Слово. На площади завяза-

лась драка. Книжники и фарисеи орудовали палками и безжалостно били ими людей. Но народ не побоялся, тоже вооружился кулаками, камнями и палками, и вскоре богоубийцам пришлось покинуть площадь и уходить восвояси.

Со вчерашнего дня, то есть, после этого события в душе Захария стёрлось всякое доверие к книжникам и фарисеям: как может человек, тем более, если он служитель Бога, говорить неправду, клеветать, доносить и губить праведного? И хотя Захарий об Учении Христа знал очень мало и не понимал в полной мере даже того, о чём рассказывал ему Амон-Ра, тем не менее, одинокий старый ювелир вдруг обрёл в себе чувствознание сердца, что и подарило ему искреннюю веру в Иисуса. Он почувствовал в себе необычайный прилив силы Духа и, чтобы объяснить происходящее, устремился к поиску своего маленького учителя Амон-Ра.

Сегодня он решительным шагом направился к дому Саломеи: кто-кто, а она должна была знать, где сейчас этот чудо-мальчик. Ведь прошло с тех пор полгода, как он последний раз видел его. Саломеи дома не оказалось. Мама девочки грустно сообщила ювелиру, что Саломея ушла в Пещеры Философа неделю тому назад и там ждёт возвращения Амон-Ра.

Вот и идёт он сейчас в Пещеры, где ни разу не был и дорогу тоже не знал. Идёт медленно, погруженный в мысли и переживания.

Скорбно на сердце у старого ювелира.

Скорбно из-за Христа, которого уже нет в живых.

Что значит – нет в живых? Он – Сын Бога, значит, Он вечно живая Сущность. Бог-Отец послал Своего Сына к людям, чтобы Тот дал им праведный путь. Он свершил на Земле богоугодные дела. Говорят, что Он знал, как завершится Его жизнь: что один из учеников предаст Его, и Он будет распят на кресте.

Нужно ли скорбеть об Иисусе Христе, если Он победоносно вернулся к Отцу?

Нет! Жалеть и скорбеть надо о людях, которые не приняли Его. Жалеть нужно каждого грешного, который губит душу свою и не стремится к святому источнику для очищения.

Эти мысли облегчили Захарию боль души.

Он почувствовал сильное желание углубиться в Учение Христа, но как это сделать и кто ему в этом может помочь? «Амон-Ра, сынок, где ты? Не бросай старика ювелира!» – прошептал он про себя. А кто поможет другим, которые тоже хотят знать Учение Христа? Кто расскажет о Нём будущим поколениям? И мысли Захария расширились, как небо, возвысились, как звезды. «Надо, чтобы Его ученики написали о Нём: о том, к чему Он призывал людей, какие Он давал им знания, какие свершал дела... – подумал Захарий, – Философ, которого звали Андрей и который был дядей Амон-Ра, был призван Христом и стал Его учеником. Может быть, он напишет о своём Учителе? Лучше, если напишут все ученики, каждый о том, как он сам познал Сына Бога, как он

Его понял... Пусть напишут не только ближайшие ученики, но и те, которые наслышаны о Нём... Ни одна весточка о Нём и Его Словах не должна пропасть, ибо в них жизнь, они Духовная пища... Надо заняться этим собиранием вестей о Христе и от Христа немедленно, на свежую память... Может быть, будущее поколение поймёт Мессию лучше и глубже, чем поняли и приняли Его сегодняшние...»

На этом вдруг мысли Захария, словно повинувшись чей-то воле, приостановились. Они как бы расступились и застыли в благоговейном восхищении, давая возможность Вести, летевшей из Высших Божественных Пространств, незамедлительно проникнуть в самый сокровенный уголок души старого ювелира. Мгновение... И Весть, как огненный шар, как Солнце, озарила всю душу старого ювелира, сжигая в ней всё лишнее, и эхом издавая небесные колокольные звуки. Сердце Захария затрепетало блаженно, а сознание его усердно и с точностью ювелира начало складывать каждый звенящий звук в слова и разгадывать их смысл и тайну.

Захарий не понял, что с ним происходит. Он пошатнулся, прислонился к дереву и закрыл глаза. Внутри него Высшая Весть излучалась и звучала, и по мере того, как он приходил в себя, он все ярче воспринимал смысл Высшего Звона:

«Сотвори... Сотвори... Сотвори... Символ... Символ... Символ... Вечность... Вечность... Вечность... Христос... Христос... Христос... Сотвори... Сотвори... Сотвори... Символ... Символ... Символ...»

Такое недоумение Захарий испытывал впервые.

Все произошло в мгновение ока, но Захарию казалось, что медленно и спокойно. Вначале он не мог понять, откуда этот Свет и Звон, и правда ли всё это. Потом, когда он убедился, что Свет и Звон находятся внутри него, и понял их смысл, то с удивлением воскликнул в душе: «Мне ли это сказано?!»

И тут же услышал эхом звенящий ответ: «Да, ювелир Захарий... Захарий... Сотвори... Сотвори... Сотвори...»

«Символ Вечности Христа?!» – опять взмолилась душа Захария.

А эхо звенело: «Вечность... Вечность... Вечность... Христос... Христос... Христос...»

Наконец Захарий успокоился, утихли в нём и колокольные звуки. Он открыл глаза, и первое, что увидел, это была красивая птичка, сидевшая у него на правой руке, она рассматривала его пальцы и тихо чирикала. Захарий левой рукой нежно погладил птичку по крылышкам. Та поддалась его ласкам.

– Ты единственный свидетель того, что со мной произошло, верно? – спросил Захарий птичку. Она затрепетала, села ему на плечо, спела ему прямо в ухо и улетела прочь.

Мысли Захария направились на осмысление пережитого и понятого, а ноги двинулись по тропинке к Пещерам.

Символ Вечности Христа!

Что это за Символ, каким он может быть?

Может быть, это голубь Ноя с пальмовой веткой?

Из Библии Захарий вспомнил: чтобы узнать, утих ли всемирный потоп, Ной выпустил из ковчега голубя, и спустя некоторое время тот вернулся к нему с пальмовой веткой в клюве и так принёс весть о том, что земля расцветает. Голубь с пальмовой веткой может стать символом... чего? Радости, мира, возрождения, процветания.

Но мысли ювелира отошли от такого символа вечности Христа. Пусть голубь с пальмовой веткой в клюве напоминает людям о всемирном потопе и о том, что людям нужно жить в мире и согласии.

Мысли кипели в голове Захария в поиске Символа Вечности Христа.

А шестиконечная звезда? Она знак мудрости и вечности.

Но мысли опять восстали: это же звезда Соломона, нельзя её отнять у него.

Может быть, тогда свастика, знак вечного движения?..

Опять нет, ибо дело не в вечности движения, а в долге и жертвенности.

Каким же может быть этот Символ Вечности Христа? Он останется людям и будет направлять их, делать их путь правильным. Путь Христа... Символ Вечности Христа... Тебе, Захарий, велено сотворить этот Символ...

Захарий сразу и не заметил, что тропинка кончилась, и он уже стоит перед Пещерами Философа.

Саломея слышала незнакомые шаги и с испугом оглянулась в сторону Бунгло.

– Это не шаги Амон-Ра, Бунгло! Кто же тогда к нам идёт? Бунгло успокоил девочку: «Свой».

И Саломея при лунном свете уловила черты дяди Захария. Она удивилась его приходу, но обрадовалась.

– Дядя Захарий! – воскликнула она и повисла у него на шее.

Дядя Захарий прижал её к груди, поцеловал в лоб, погладил по голове.

– Скучно без тебя в городе, Саломея! – сказал он, – город глухнет без жителей Пещер Философа... Почему ты здесь, доченька, как же твоя школа?

– Жду здесь прихода Амон-Ра, дядя Захарий! – с грустью ответила она.

– А вестей от него нет?

– Нет... никаких... – она заплакала.

Дяде Захарию тоже стало больно от какого-то предчувствия.

– Успокойся, дочка моя... – он хотел сказать что-либо ласковое и обнадеживающее, но Саломея перебила его.

– Дядя Захарий, с ним что-то произошло, но не могу понять, что именно...

Девочка плакала, уткнувшись в грудь дяди Захария, а он не знал, как её успокоить.

В это время Бунгло испустил, как бы шёпотом, звук «Оооммм», и Саломея улыбнулась. Бунгло поднялся на задние лапы и сразу стал огромным; он обнял Саломею и Заха-

рия и ласково прижал их к себе. Дядя Захарий в объятиях Бунгло почувствовал себя маленьким и слабым.

– Бунгло приветствует тебя, дядя Захарий! – сказала Саломея весело.

Захарий тоже проявил нежность к Бунгло, улыбнулся ему и пощекотал брюхо.

– Чем тебя угостить? – засуетилась Саломея и тут же добавила: – Хотя есть чем. Сегодня в лесу я собрала ягоды и орешки...

И пока девочка выносила из Пещеры орехи и ягоды и кла-
ла их на большой плоский камень, Захарий успел оглядеть-
ся. «Вот и Пещеры Философа, – подумал он, – а небо отсюда
какое красивое, и как близки звезды...»

Потом они присели у большого камня для трапезы. Сало-
мея обняла Бунгло, так ей было спокойнее и теплее.

– Саломея, доченька моя, расскажи мне о Христе что-ни-
будь... Расскажи всё, что знаешь о Нём, о Его Слове... Ты
же видела Его, слушала Его!

– Хорошо, дядя Захарий! – охотно согласилась Саломея.
«Видно, она ещё не знает о распятии Иисуса Христа. Луч-
ше, если я пока не скажу ей об этом, она и так расстроена», –
подумал Захарий.

– А ты знаешь, дядя Захарий, Он мне на голову руку по-
ложил, благословил, поцеловал в лоб...

И девочка с увлечением начала вспоминать каждую ме-
лочь, связанную с живыми воспоминаниями о встрече с

Мессией. Вспоминала она каждое слово, которое слышала от Него. Вспоминала всё, что говорил о Нём, о Его заповедях Амон-Ра. Рассказывала она обо всём этом дяде Захарию самозабвенно. Она как бы погрузилась сама в жизнь и мысли Иисуса Христа, увлекая туда же и Захария, и Бунгло, и Звёздное Небо, которое опустилось над Пещерами Философа так близко, что до звёзд можно было дотянуться рукой. Саломея заговорила ещё о тех вещах, свидетельницей которых сама не могла быть и ни от кого о них не слышала. Она черпала новые сведения об Иисусе Христе как бы из ниоткуда, но говорила о них увлечённо и с убеждением.

В объятиях огромного мохнатого существа перед Захарием сиял Божий ангел, который наполнял его душу и сердце жемчужинами и бриллиантами Божьего Слова. Саломея как бы забыла, где находится, говорила о том, что видели её глаза и переживало её сердце... «Бери свой крест и следуй за мной», – говорит Иисус молодому человеку... И Он сам взял свой Крест и идёт... Его сопровождает толпа, озлобленная толпа... Крест деревянный, большой, тяжёлый... Он замедляет шаг... Легионер ударяет Его хлыстом, «шагай», кричит... Он уже на голгофе... Зачем Его сюда привели?.. И вдруг сердце Захария разрывается от обречённого крика девочки: «...Ой, что они с Ним делают?! Отпустите Его, Он праведный... Они распинают Его... Спасите... Дайте мне спасти Его... Он же Христос, Сын Бога... Отпустите...»

Захарий испугался: что с девочкой происходит?!

– Саломея, девочка моя, очнись...

Саломея бьётся в объятиях Бунгло, старается вырваться, чтобы помочь Христу.

Захарий с мольбой и надеждой смотрит на Бунгло.

– Бунгло, ей плохо... Как помочь, скажи...

Бунгло ласково замычал, лапой погладил девочку по голове.

– Оооооооо... – зазвучали любовь и успокоение. И Саломея заснула в лапах медведя.

Захарий не сводил тревожный взгляд с девочки. «Она созерцала распятие Мессии?» – подумал Захарий про себя, а Бунгло кивнул головой, отвечая старому ювелиру на его мысленный вопрос.

Через некоторое время Саломея вздрогнула во сне, и из её закрытых глаз потекли тихие слёзы.

Глава 2

– Вижу, ты очень устал, – сказал Иорам Филиппу, – нам теперь предстоит подниматься в гору, тропинка сложная...

– Да, устал, – признался Филипп, – но мне не терпится скорее увидеть Пещеры, войти в них!

– Может быть, отдохнём немного и дождемся восхода Утренней Звезды?

– Как знаешь! – сказал Филипп.

Они улеглись на траве под деревом.

Три дня они добирались до Города и только один раз устроили передышку на полпути, чуть вздремнули. От попутчиков узнали о распятии Иисуса Христа, и их тяжёлые мысли стали ещё тяжелее. Так шли они со своими ношами-мыслями, редко обмениваясь ими, оберегая друг друга.

Вот и пришли, наконец, в окрестности Города, туда, где начинается тайная тропинка к Пещерам Философа.

Была уже полночь.

Филипп мигом уснул.

Но Иорама одолевали мысли, которые были сильнее, чем усталость. Он потянулся на мягкой и прохладной траве, воззрел на звёздное небо и отдался воле мыслей. Его мучила предстоящая встреча с Саломеей. Как ей рассказать об Амон-Ра, как ей объяснить, что его уже нет в этом мире, что он улетел в Мир Высший? Как примет она сообщение

о том, что Большой Мальчик и его разбойничья банда забросали камнями Амон-Ра? Конечно, он не забудет рассказать Саломее, как Амон-Ра превратился в фиолетово-голубой огонь, не оставив никакого пепла. Только ладони его берегли птенца, упавшего из гнезда. И как только Филипп раскрыл их, а Илья, взяв птенца, вернул его в своё гнездо на верхушке дерева, ладони тоже сгорели в голубовато-фиолетовом огне. Что ещё скажет Иорам Саломее? Расскажет о мужестве Амон-Ра, о прекрасной огненной тропинке, по которой устремился ввысь светлый дух и которую видел Иорам. Расскажет ещё, как они вдвоём исцелили Филиппу раздавленную ногу. Весь этот рассказ должен облегчить горе, которое будет переживать Саломея, узнав о том, что Амон-Ра...

Мысли эти измучили Иорама.

Да, он стал свидетелем великого преображения и вознесения и, разумеется, надо радоваться за Амон-Ра, надо гордиться, что Амон-Ра был его учителем и другом, был учителем и любимым человеком для Саломеи. Да разве только для них? Но как быть, если земная жизнь продолжается, а учителя-друга не будет больше рядом? Нужно ли этому тоже радоваться? Могут ли в одной чаше сердца смешиваться друг с другом горе и радость? И какой становится радость, когда рядом горе?

Мысли Иорама вроде бы нашли выход: радость-горе или горе-радость – это одно целое. Мысли упорно твердили о том, что там, где торжествует радость, где-то поблизости

прячется горе, и наоборот. И мысли решили: горе и счастье – суть одно, они уроки для роста духа...

Но примет ли эту философию Саломея, которая любит Амон-Ра, а его уже нет в живых? Надо поискать слова для чуткого сердца маленькой девочки.

На небосклоне загоралась Утренняя Звезда.

«Надо до восхода солнца быть в Пещерах», – подумал Иорам, а Филипп в то же самое время открыл глаза.

– Как, пойдём? – спросил он и привстал, не дождавсь ответа.

Иорам шагнул в кусты, за ним последовал Филипп.

– Будет ли кто в Пещерах? – спросил Филипп.

«Может быть, нас встретит Бунгло, а может быть, никого не будет», – ответил Иорам. Он не мог предположить, что Саломея одна, пусть даже с Бунгло, могла жить в Пещерах. Мама не отпустит её одну, да и своих учеников она не бросит, думал он.

Почти всю тропинку, как и всю дорогу, они прошли молча. Солнце ещё готовилось для восхода, когда они шагнули на площадку перед Пещерами.

– Вот и пришли! – сказал Иорам, и тут же умолк от неожиданного зрелища: в объятиях четырёх лап Бунгло лежала Саломея. Она спала... спала и плакала.

Бунгло испустил тихое, нежно-ласковое «оооммм», в котором звучало сострадание. Своим мягким мехом левой лапы он осторожно вытирал слезы на щёках девочки.

Рядом с Бунгло на камне сидел ювелир Захарий и озабоченно наблюдал за плачущей во сне Саломеей.

Захарий и Бунгло взглянули на пришедших. Захарий жестом предупредил мальчиков не шуметь, привстал и отвёл их в сторону. Он обнял Иорама, приласкал Филиппа, которого видел впервые, а потом сказал шёпотом:

Иорам, сынок, Саломея ждёт прихода Амон-Ра в Пещеры. Ею овладевают сомнения, что с ним происходит что-то неладное. Заснула она поздно и во сне начала плакать... Так плачет она всю ночь, а Бунгло бережёт её плач во сне, не даёт мне будить её... Наверное, он прав...

Иорам молчал, не зная, что сказать.

И Захарий молчал, боясь спросить его об Амон-Ра.

Молчание, напряжённое молчание само заговорило. И Захарий понял. Его вдруг что-то кольнуло в сердце. Там, внутри сердца, что-то оборвалось, оборвалась какая-то нить, которая соединяла сердце старого одинокого ювелира с маленьким любимым чудо-мальчиком.

– Да, дядя Захарий, – произнёс после долгого молчания Иорам, – Амон-Ра улетел в Высший Мир, он сгорел в фиолетовом огне духа... Ценою жизни спас он птенчика...

Захарий тихо зарыдал.

Первые лучи солнца осветили площадку перед Пещерами, они обласкали лицо, длинные волосы, маленькую фигурку прекрасной девочки в слезах и разбудили её.

Саломея с трудом открыла распухшие глаза. Бунгло вы-

свободил её из своих лап. Его огромная медвежья морда ласково улыбнулась девочке. Саломея тоже улыбнулась ему в ответ.

– Люблю тебя, Бунгло!.. Спасибо тебе! – прошептала она.
«Ты узнала правду? Ты все видела?»

В ответ на мысленный вопрос Бунгло Саломея сказала:

– Да, Бунгло, Амон-Ра в Пещеры не поднимется... Он улетел в Дальние Миры, но всегда будет рядом с нами... Я видела, как распяли Мессию... Видела, как забросали камнями Амон-Ра... Видела ещё, как дух Амон-Ра, улетаая в Дальние Миры, оставлял за собой огненный след... Прекрасное было зрелище, Бунгло...

Саломея заметила стоявшего в сторонке и рыдавшего дядю Захария, а рядом с ним – Иорама и незнакомого мальчика. Она подбежала к Иораму и обняла его, а потом прижалась к дяде Захарии.

– Иорам, не мучайся, я все знаю... – сказала она спокойно. – Не плачь, дядя Захарий, Амон-Ра победил земную жизнь, он сделал то, что надо было ему сделать, и дух его теперь обитает в Царстве Небесном... Не плачь, дядя Захарий... – Саломея поднялась на цыпочки и нежно поцеловала в щеку добродушного старика.

Саломея посмотрела на Филиппа.

– Как тебя звать?

– Филипп... А ты Саломея, я знаю тебя: Амон-Ра рассказывал нам о тебе, о твоей школе... какая ты красивая! – от-

ветил Филипп дружелюбно.

Порам добавил:

– Амон-Ра поручил мне заботиться о Филиппе.

Филипп тут же уточнил:

– Он поручил тебе быть моим учителем и воспитать меня, сделать из меня хорошего человека... Я буду твоим послушным учеником!

В это время он увидел, как приподнялся огромный медведь, встал на задние лапы и подошёл к ним. Филипп знал о Бунгло, ждал встречи с ним, но он не ожидал, что тот такой огромный, как гора. Потому испугался и собрался спрятаться за спиной Иорама. Но Бунгло мирно протянул передние лапы, поднял нового члена жителей Пещер Философа, прижал к груди как младенца, заглянул ему в глаза, пробубнил что-то доброе и лизнул его в щеку.

– Бунгло говорит, что принимает тебя как друга, – пояснила Саломея Филиппу.

Филиппу действия Бунгло понравились. Он смело обнял медведя и поцеловал его в ответ.

Тем временем Захарий вытер слезы, успокоился, но оборванная в сердце нить так и осталась оборванной.

– Вернись в город, – сказал он Саломее и, как бы извиняясь перед ней, что не может остаться, добавил: – есть дела...

– Хорошо, дядя Захарий, но до того, как уйдёшь, хочу кое-что показать тебе. Думаю, я выполняю желание Амон-Ра. Пойдём со мной! – и Саломея повела его в Пещеру Гос-

пода.

Пещера была освещена семью свечами.

Захарий оглянулся вокруг, и глаза его остановились на необычном человеческом образе, нарисованном на стене.

– Ты узнаешь Его? – спросила Саломея.

– Да, это Иисус Христос! – уверенно сказал Захарий.

– Его нарисовал дядя Андрей и десять лет ждал в этой Пещере Его появления. Амон-Ра рассказал мне, как однажды, когда Андрей и он помолились здесь, вдруг Иисус Христос сошёл со стены, подошёл к Андрею, положил ему руку на голову и сказал: «Мир вам! Андрей, не задерживайся, поспеши к своему брату...» С того дня прошло два года... – после минутного молчания Саломея добавила, – Дядя Захарий, чувствую, что нужно оставить тебя наедине с образом Иисуса Христа...

Саломея вышла из Пещеры.

Зачарованный Захарий вначале долго смотрел на Образ. Всё внутри его впитывало свет, исходящий от Образа. Свет этот ему уже знаком со вчерашнего вечера, когда он шёл по тропинке к Пещерам Философа.

Тело его задрожало.

Потом он опустился на колени.

Ему захотелось помолиться, но молитв он не знал. Тем не менее, уста его зашевелились. Не думая, зачем он это делает, старый ювелир начал нашёптывать таинства, которыми он пользовался, когда готовил какое-либо изделие. Сло-

ва этих таинств, сочинённые им же в течение своей долгой жизни и таинства, заложенные им же в них, произносили его уста как молитвы. Они исходили из глубин его сущности, из самого центра сердца.

Мысли о распятом Христе, о побитом камнями Амон-Ра, чувство страдания от утрат, отвлечённость от внешнего мира и всё большее погружение в некую бездну Света складывались в его душе как молитва, устремлённость. Напряжение струн духа уловило слова, которыми была пропитана Пещера. Слезы умиления и страдания омывали сердце Захария, и он прошептал самозабвенно:

Владыка Всемогуций!

*Преклоняюсь перед Твоим Святым Именем! Взвали
на плечи мои ношу Твою,*

*И дай мне нести её по тернистой тропинке К
вершине горы,*

*Откуда смогу постигнуть безграничность Любви
Твоей*

И осознать глубину Мудрости Твоей. Аминь!

Уста его повторяли эту молитву вновь и вновь, душа Захария возвышалась в иные пространства Света. Там чьи-то заботливые руки опять вернули Захария в Пещеру Господа. «Где я был и где я сейчас?» – подумал старый ювелир. Он встал и как будто на крыльях покинул Пещеру.

Мальчики оживлённо рассказывали Саломее об Иакове и Илье, об строительстве дворца Юстиниана.

Захарий посмотрел на солнце и удивился: оно клонилось к закату. Он провёл в Пещере Господа весь день!

Саломея, увидев его, улыбнулась.

– Дядя Захарий, тебя не узнать, ты весь светишься...

– Спасибо тебе, доченька... – только и сказал Захарий.

Сильные переживания не давали ему говорить о чём-либо. Он поцеловал Саломею, помахал рукой мальчикам в знак прощания и шагнул в сторону тропинки. В это время Бунгло успел похлопать его по плечу, мол, «ты хороший, не забывай наши Пещеры».

– Мы навестим тебя, дядя Захарий! – догнал его голос Саломеи.

Шагал Захарий вниз по горной тропинке и уносил с собой более тяжёлую ношу, чем когда поднимался в Пещеры Философа.

Глава 3

Сегодня Илье исполняется пятнадцать лет.

О его дне рождения никто не знает, кроме него самого. Он и сегодня, когда прекрасный дворец будет торжественно передан Августе и Юстиниану, никому об этом не скажет, даже Иакову.

С помощью своего дня рождения Илья измеряет точность расчётов. Два года тому назад, в этот же самый день, было начато строительство дворца. Тогда ему исполнилось тринадцать. Опираясь на свои расчёты, он предполагал завершение строительства ровно через два года, день в день. В прошлом году, отмечая своё четырнадцатилетие, он убедился, что не ошибся. А сегодня ему пятнадцать, и строительство великолепнейшего во всей Иудее дворца завершено полностью.

Да, дворец действительно прекрасен, и стоит он в окружении цветущих садов и тенистых деревьев. Перед ним раскинуто озеро, в котором горделиво плавают лебеди; посередине озера бьют фонтаны из изящных скульптур. Днём в озере отражаются редкие облака, а ночью в нём собираются все звезды неба.

Мраморные скульптуры римских и греческих мастеров, размещённые по всей территории дворца, заставляют приостановиться, задуматься и восхититься. Олени, павлины...

И откуда только прилетели целые стаи певчих птиц...

Илья встал сегодня ранним утром, чтобы ещё раз взглянуть на завершённое чудо и принять меры для незамедлительного исправления изъянов, если, конечно, обнаружит их.

Ходит Илья вокруг дворца, смотрит на него то с восточной, то с западной стороны и сам восхищается сказочным видом огромного здания, купола которого гармонично сочетаются с небом.

«Купола... – Илья задумался над этими формами дворца, – как мог выглядеть дворец без этих трёх куполов? Ну, конечно, потерял бы он величественность и связь с Небом... Купола возвышают дворец, делают его лёгким... Особенно средний купол, который выше других... И почему только я их поставил над зданием?» И вдруг он вспомнил, что сделал это в самом конце, когда почти закончил работу над проектом. Тогда ему показалось, что дворец имеет какой-то незавершённый вид и требует чего-то. Но чего? Илья в мыслях продолжал искать решение задачи и не заметил, как рука, без ведома своего хозяина, взяла грифель и на проекте дворца обозначила купола. Вот так загадочно они возникли.

Теперь он смотрит на них, восхищается, а в воображении всплывает образ доброго старого ювелира Захария. Он научил его создавать из золота идеальные сферические формы и при этом нащёптывал ему на ухо: «Сфера, если она безукоризненна, выражает суть Света Высшего... Сфера суть и форма Света... Запомни это, мальчик...» В мыслях Ильи

промелькнула догадка, что созданные им купола над дворцом могут притягивать к себе этот Свет Высший, Свет Творца и наполнять им весь дворец. Что же это принесёт обитателям дворца, какие блага? Но если купола над дворцом несовершенны, что же тогда будет? И Илье стало не по себе от этой мысли.

Он прищурил глаза и стал рассматривать пядь за пядью каждый купол. Вдруг глаза его стали как-то странно себя вести: они приблизили к нему купол так, как будто тот находился рядом, и можно было дотронуться до него рукою. «Что это такое?!» – удивился Илья. Он с огромным вниманием осмотрел весь купол, повернул его другой стороной, поднял над головой и посмотрел снизу. Нигде никакого изъяна не обнаружил. Так он проверил и другие купола, да ещё убедился в своей необычайной способности – приближать отдалённые предметы и рассматривать их со всех сторон.

«Что это со мной происходит?!» – мысленно повторял он вопрос, но объяснения произошедшему не находил.

Он встал рано утром ещё и потому, чтобы встретить восход Солнца, которое вот-вот должно было взойти. Он повернулся лицом к восходу и стал ждать. Это было не в первый раз. Каждый день он встречал восход Солнца с благоговением и восхищением. Сегодня у него радостное состояние духа: то, что сегодня увидит Солнце на берегу реки Иордан, два года тому назад было только в голове маленького архитектора и на его чертежах. Он хочет порадовать Солнце красотой

своей воплощённой мысли. В конце концов, его творчество и мысли, труд и устремлённость многих сотен людей, которые стали участниками осуществления его мыслей, также есть частица Солнца, есть земные лучики Солнца.

Илья в трепетном ожидании смотрел в ту укромную точку горизонта, откуда вставало Солнце. Вокруг этой части горизонта небо торжествовало и тоже трепетало в ожидании Жизнедателя: оно играло, как огромное знамя на ветру, в алых, багровых, фиолетовых языках пламени.

Вот и первые лучи Солнца.

Они мигом проникли в широко раскрытые глаза Ильи и поселились в них, привнеся небесный огонь в душу мальчика.

Солнце всходило медленно и спокойно, таинственно и величественно. За первыми лучами последовали другие, также устремляясь в зрачки Ильи, и тоже создавали там свои «гнездышки».

Илья ликовал.

«О, Всемогущий Огонь Жизни!

О, Всемогущая Мудрость Доброты!

О, Всевышнее Таинство Вселенной!..»

Так шептал Илья и вбирал в себя диск Солнца, который становился всё более полным и полным.

Лучи перестали гнездиться только в глазах, они теперь обнимали всё пространство, в котором находился юный архитектор.

Он продолжал нашёптывать:

*«Пропитывай каждую частицу мою Светом Твоим!
Войди в меня
И дай мне войти в Тебя!»*

Диск Солнца стал полным и начал приближаться к Илье, будто с намерением вобрать мальчика в свой испепеляющий огонь.

Илья утратил все слова мольбы, восхищения и молитвы. Вся его сущность превратилась в благоговение, для выражения которого слова беспомощны, потому их и нет.

Илья протянул руки и дотронулся до диска, который, как ему показалось, состоял из огромного количества трепещущих и расширяющихся дисков размером от ослепительной белой точки до беспредельности. Каждый диск имел свою окраску, и все они вместе создавали Вселенскую Розу.

Илья чувствовал своё единство с солнечными дисками, в которых он утопал, и сам превращался в расширяющуюся световую точку. Вокруг него исчезло всё: исчезло небо, исчезла земля, исчез дворец, исчезло само Солнце. Но он обретал смысл Бытия, суть Света, обретал Истину. Илья растворился в Солнце; он не сгорел, не испепелился, а растворился, а точнее, расширился. Но сущность его, сознание его, его дух оставались целостными.

О, блаженство!

Человек становится Солнцем!

Человек превращается в пучок лучей, несущих жизнь!

«Я есть Солнце, и я есть Земля... И Солнце, и Земля... И Вселенная...» – шептал Илья и был рад, что горит и излучает...

Иаков стоял поодаль и терпеливо ждал, пока юный архитектор сойдёт с Солнца на землю. Но произошло наоборот: солнечный диск начал постепенно уменьшаться, высвобождая из себя зачарованного мальчика.

«Что это со мной сегодня происходит?!» – Илья оглянулся, увидел Иакова и улыбнулся ему.

– Пошли на площадь, – сказал Иаков, – люди уже собираются!

Там уже стояли по группам рабочие и мастера, которые в течение двух лет строили дворец. Они пришли на площадь со своими жёнами и детьми.

Пришли Пётр с женой Анной и их мальчики Александр и Михаил. После того события, когда Амон-Ра забросали камнями, их приютил Юстиниан и обещал укрыть Петра от преследований римских легионеров. Вся семья тоже славно потрудилась на строительстве дворца.

Народу становилось всё больше. Всех интересовало, что будет дальше – распустит их Юстиниан или предложит другую работу. Они задавали этот вопрос Иакову.

– Скоро узнаете, – успокаивал их Иаков, – вот придёт наш добрый господин и объявит о своих намерениях.

Рабочим не хотелось разъезжаться. За два года совместного труда они сдружились, многие породнились друг с дру-

гом, создали семьи, родили детей.

Иакову удалось установить между рабочими мир и взаимопонимание. Люди, не думая об этом, образовали свою общину, в которой как бы сами по себе сложились добрые правила совместной жизни.

В ожидании хозяина рабочие вспоминали, что было на этом месте два года тому назад и каким оно стало теперь. Смотрели на дворец и сами восхищались, какую красоту создал их труд.

Кто-то говорил о новом способе строительства, о новых машинах, без которых было бы невозможно построить такой дворец, да ещё за два года.

Говорили о том, как многому научились они друг у друга, у Иакова.

Вспомнили Амон-Ра. Женщины прослезились, дети погрустнели.

Говорили об Иисусе Христе и возмущались жестокостью тех, кто Его распял.

Радовались тому, что их дети научились чтению и счету в школе, которую устроил Иаков.

Говорили, какой Иаков хороший руководитель, как он всем помогал.

Заговорили они и о неизвестном великом архитекторе.

– Он, наверное, большой учёный и очень старый...

– Почему старый?

– А как же, шутка ли такой дворец придумать...

– Иаков, скажи хоть, сколько ему лет? Правда, что он уже очень старый?

– Как он внешне выглядит?

– Он, наверное, высокого роста, крупный, сильный, с седыми волосами...

– Это почему?

А как же, все великие люди и внешне тоже как великаны!

– Иаков, скажи что-нибудь об архитекторе!

– Неужели не придёт сегодня, не посмотрит, какой получился дворец?

– Почему он скрывает своё имя? Разве не хочет прославиться?

– Он и так прославится.

– Как может человек прославиться, если люди не знают его имени, и никто его в глаза не видел?

– Дела прославят...

Иаков улыбался рабочим и не отвечал на их вопросы. «Поверят ли они, – подумал он, – если скажу, что они каждый день видели великого архитектора и сейчас тоже он находится среди них? Догадаются ли они, кто этот архитектор?»

Было ещё утро, когда приехали Юстиниан и Августа. Их сопровождала свита.

Юстиниан поднялся по ступенькам парадной лестницы дворца. Рядом стояла Августа. Юстиниан пригласил к себе Иакова и Илью. Илью он поставил перед собой.

Собравшиеся внимательно наблюдали за всем происходящим.

– Люди! – начал Юстиниан.

Наступила полная тишина. Только певчие птицы не подчинились обращению Юстиниана.

– Люди! Вы построили этот прекрасный дворец, сад вокруг него, создали озеро и фонтаны. Равного всему этому нет ни в Иудее, ни в Риме, ни в Афинах. Я благодарю вас! Дворец я дарю своей жене Августе, которая использует его по Божьему начертанию. Пусть она скажет вам об этом сама!

Собравшиеся с удивлением переглянулись.

– Люди! – произнесла Августа. Она волновалась: – дворец этот отныне будет называться Дворцом Света. Здесь могут найти убежище все: и дети, и взрослые, которые нуждаются в утешении и просветлении ума!

Рабочие не совсем все поняли, но в словах Августы почувствовали добрую весть.

– Пусть славится имя Августы! – закричал кто-то, и все его поддержали.

Юстиниан поднял руку и призвал к вниманию. Люди притихли.

– Слушайте теперь, что я вам скажу. На другом берегу Иордана, где разбойники забили камнями Амон-Ра, с сегодняшнего дня начнём строить Храм Христа. Он должен прославить Имя и Учение Иисуса Христа, Сына Бога! Строительством будет руководить Иаков. Хотите увековечить свой

труд?

Раздалось восторженное «ура!». Народ возликовал. Родовались все – рабочие, их жены, дети.

Юстиниан вновь поднял руку. Радостные возгласы стихли не сразу.

– Слушайте внимательно, что я хочу вам сообщить!

Люди поняли, что Юстиниан собирается сказать им о чем-то очень важном.

– Я собираюсь обосновать вокруг Дворца Света новый город и назвать его городом Солнца... – Юстиниан сделал паузу. – Предлагаю вам стать вместе со мной основателями города Солнца и первыми его гражданами. И пусть восторжествуют в городе Солнца законы свободы, доброты и долга...

Собравшиеся не поверили своим ушам. «Что он сказал?.. Наш город?.. Первые граждане?..» – переспрашивали они друг друга.

Юстиниан опять выдержал паузу, чтобы дать людям осмыслить сообщение. Потом он снова призвал всех к вниманию.

– Кто хочет стать основателем и первым гражданином города Солнца, пусть поднимет руку!

На площади вдруг зазвенела всеобщая радость, люди – и взрослые, и дети – поднимали обе руки и кричали:

«Слава Юстиниану... Слава городу Солнца... слава доброду господину...»

На этот раз Юстиниану пришлось долго держать подня-

тую руку. Люди не утихали. Юстиниан видел, как в толпе прыгали и танцевали дети, а взрослые обнимались и целовались.

Наконец, опять воцарилась тишина.

– Этот день будем считать днём рождения города Солнца... Теперь же мы отправимся на другой берег Иордана, чтобы заложить фундамент Храма Христа. Строительство, по расчётам великого неизвестного архитектора, будет закончено ровно через год! А возглавлять строительство будет Иаков!

Юстиниан сжал плечо мальчика, который стоял перед ним, и которому до будущего дня рождения предстояло много трудиться, чтобы подтвердить точность своих расчётов.

Народ радостно направился к месту нового строительства.

Глава 4

Вокруг Дворца Света и на правом берегу реки Иордан развернулась кипучая жизнь: люди строили Храм Христа и свой город Солнца. Слух о грандиозном строительстве разнёсся по всей Иудее, а также по разным странам, и потому приезжали всё новые рабочие и прекрасные мастера разных ремёсел. Все они просили принять их гражданами нового города.

Юстиниан ещё раз собрал всех – и мужчин, и женщин, и детей – и объявил:

– Пора выбрать главу города Солнца. Назовите...

Он не успел договорить, как люди хором, единодушно закричали:

– Иакова... Иакова...

Так Иаков был избран главой города Солнца, который строился тоже под его руководством. Выбрали также девять членов городской управы, которые должны были советовать и помогать Иакову мудро вести дела. Так как полноправными гражданами города Солнца были признаны не только взрослые мужчины и женщины, но и дети, которым уже исполнилось шесть лет, то членами управы были избраны и они. Одним из них стал Сафар, шестилетний сын каменщика Давида. Другим был десятилетний Александр, сын легионера Петра. Третья была одиннадцатилетняя девочка София, дочка вдовы Магдалины, которая готовила рабочим еду.

Посоветовавшись со своими девятью помощниками – членами городской управы, Иаков предложил всем гражданам города Солнца утвердить три самых важнейших закона жизни в городе:

«Любить ближнего.

Жить по совести.

Трудиться на благо всех».

– Нарушитель хоть одного из этих законов, или тот, который их не признает, покинет город Солнца! – объявил Иаков, а народ согласился с ним.

Спустя несколько дней на площади и на двух главных улицах установили три огромные каменные глыбы, и искусный каменщик Давид месяц трудился, высекая на каждом из них законы жизни в городе.

Дети постоянно окружали его, наблюдали, как дядя Давид высекает на камне каждую букву закона – красиво, с любовью.

Дядя Давид делал и другое: он рассказывал детям, что означают эти законы, почему нужно по ним жить и каким станет город в ближайшем будущем, если его жители будут верны им.

– Ну, как? – то и дело спрашивал он у детей, – будете достойными гражданами города Солнца?

– Да... – отвечали дети хором.

И когда Давид закончил работу, на площади опять собрались люди, чтобы посмотреть на высеченные в камне законы.

Но Давид объявил:

– Пусть каждый подойдёт к камню и скажет: «Я гражданин города Солнца и законы эти есть моя воля!»

И так как народу было много, то такая церемония «присяги» длилась три дня.

Делали это и взрослые, и дети.

Каменщик Давид выслушивал и жал каждому руку, поздравляя с полноправным гражданством города Солнца.

Такое принятие присяги было обязательным для каждого, кто хотел стать гражданином нового города.

Тем временем Иаков взялся за организацию трудовой жизни рабочих. Он поступил мудро: разделил всех рабочих, а их количество возросло до тысячи, на четыре группы и дал каждой своё задание. Одна группа была занята строительством Храма Христа. Другая – строила город Солнца. Третья – дороги и мост через реку Иордан, а четвертая группа, в которой были женщины, старики и дети, заботилась о благоустройстве и украшении города и окрестностей Храма Христа.

Город Солнца каждый день приобретал какую-нибудь прекрасную черту – строились дома, мастерские, улицы, устанавливались скульптуры, сажались деревья, устраивались газоны с цветами.

Однажды к Иакову пришёл Пётр. Он был взволнован.

– В чем дело, Пётр? – спросил Иаков.

– То, что здесь строится Храм Христа и такой прекрасный

город, это вовсе не понравится римским правителям, прокуратору и царю Иудеи. Иудейским жрецам тоже не понравится. Но есть ещё банды разбойников, которые только грабят и убивают... – с жаром говорил Пётр.

Иаков тоже думал о защите города, но почему-то не придавал этому особого значения. Теперь же, после слов Петра, убедился, что будущее города может оказаться в опасности.

– И что ты предлагаешь? – спросил он Петра.

– Нужно создать защитные отряды, а вокруг города построить крепостную стену. Я могу взять на себя подготовку бойцов.

– Я подумаю, – сказал Иаков.

Опасениями Петра и своими намерениями он поделился с Ильёй.

«Как можно сделать наш город неприступным для врагов?» – спросил он Илью.

Спустя месяц у Ильи уже были готовы проекты новых орудий и оборонных сооружений вокруг города. Надо было согласовать их с Юстинианом.

Ознакомившись с проектами, Юстиниан не мог скрыть своего удивления.

– Илья, мальчик, как тебе пришли в голову такие мирные способы защиты города?

– Господин, – сказал Илья, – Иисус Христос говорил людям: «Любите врагов своих и молитесь за проклинающих вас». Будет лучше, если мы из врагов своих сделаем друзей

наших.

– Да, это мудро... – сказал Юстиниан задумчиво, – но если враг не захочет стать нашим другом? Как быть с таким врагом? Нам тоже придётся проливать кровь, разве не так?

Видно было, что Юстиниана мучила мысль о возможных кровопролитиях, но, предвидя некоего врага, он не находил другого выхода.

Иаков протянул ему другой свиток.

– Господин, – сказал он, – вот вам проект для таких врагов!

Юстиниан развернул свиток и долго его изучал.

– Поясни мне, Илья! – обратился он к мальчику. Лицо его выражало искреннее удивление.

Илье было неловко говорить с господином свободно. Пришёл на помощь Иаков.

– Господин, – сказал он уверенно, – это новые военные машины. Они могут наводить страх, и враги убегут в панике. Но если они всё же будут вредить нам, то с помощью тех же машин мы сможем разгромить их...

– И это будет по-христиански? – спросил Юстиниан.

Иаков взглянул на Илью.

– Отвечай, ты лучше знаешь.

– Да, господин, – сказал Илья, – это тоже будет по-христиански...

– Поясни, пожалуйста, точнее, – попросил Юстиниан.

– Господин, расскажу вам притчу Иисуса Христа... О ней

говорил нам Амон-Ра...

Илья покраснел, ему было неловко учить господина чему-либо, он замешкался.

Юстиниан заметил замешательство мальчика. После того, как он узнал от Иакова, что тот есть неизвестный архитектор, он полюбил Илью и хотел приблизить к себе, но чувствовал, как изумительный талант был наделён такой же изумительной скромностью и застенчивостью.

– Илья, мальчик мой, будь свободным и смелым... Я учился у Амон-Ра и буду учиться у тебя. Ты талант и тебе нечего стесняться меня, почитателя твоего таланта!

Юстиниан обнял мальчика за плечи и заглянул ему в глаза. И вдруг на его лице застыло удивление.

– Что за глаза у тебя, Илья! – воскликнул он. Илья не знал, что сказать. – Зелёные глаза, глубокие, загадочные... Испускающие какие-то лучи... Иаков, ты всматривался когда-нибудь в его глаза?

Илья совсем растерялся.

Иаков тоже подошёл поближе и заглянул Илье в глаза.

– Господин, – произнёс он, как бы извиняясь, – я каждый день общаюсь с ним с глазу на глаз, но только сейчас заметил, что у него глаза зелёного цвета... и излучают...

И пока оба пристально всматривались в глаза Ильи, произошло нечто невероятное: зелёный цвет глаз мальчика перешёл в голубой, а лучики стали более яркими.

И Юстиниан, и Иаков были поражены.

– Иаков, цвет глаз изменился... Это мне кажется, или ты тоже это видел?

– Да, господин, видел... – пролепетал Иаков.

Тем временем Илья увидел, как Юстиниан вырос до гигантских размеров. И тогда мальчик свободно вошёл в его сердце. Там он был окутан чистой любовью, которая доставила ему радость и блаженство. И длилось это всего несколько мгновений. А когда эти мгновения прошли и Юстиниан стал прежним, Илья увидел ещё более изумлённые лица Юстиниана и Иакова.

– Иаков, цвет глаз вновь поменялся... глаза снова стали зелёными... Так ли, Иаков?! – Юстиниан был возбуждён.

– Да, господин, это так... – подтвердил растерянный Иаков.

– Как ты это делаешь, Илья? – спросил Юстиниан.

– Не знаю, о чём вы говорите, господин, но я только что познал, как сердце ваше полно любви... – ответил Илья.

– Что?! – растерялся Юстиниан.

– Да, господин, любовь ваша чиста! – уверенно повторил Илья, а когда Юстиниан успокоился, смело добавил: – так рассказать вам притчу Иисуса Христа?

– Да-да, я тебя слушаю! – произнёс Юстиниан.

– Вот слушайте. Некий хозяин посадил виноградник и отдал его виноградарям. Когда приблизилось время урожая, он послал своих слуг к виноградарям, чтобы получить свои плоды. Но те схватили слуг и убили их... Хозяин послал других

слуг. Но жадные виноградари поступили с ними так же. Тогда послал хозяин своего сына. «Постыдятся сына моего», – подумал он. Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: «Убьём наследника и завладеем наследством». Они так и сделали – схватили сына хозяина, вывели вон из виноградника и убили... Как вы думаете, господин, что сделает с этими виноградарями хозяин?

– Они злые люди, хозяин убьёт их... – ответил Юстиниан, не задумываясь.

Илья умолк.

Юстиниан спохватился.

– Значит, против злостных врагов мы будем действовать так же, как хозяин виноградника... Твои машины созданы с этой целью?

– Да, господин... Мои машины не приспособлены для нападения на других, они годятся только для защиты города Солнца! – ответил Илья.

Юстиниан обернулся к Иакову.

«Вот тебе мой совет, – сказал он, – набери человек сто из самых преданных и приступи к осуществлению проектов Ильи. Пусть Пётр возглавит подготовку воинов, создаст хороший воинский отряд для охраны города. Начни строить вокруг города крепостную стену... И не забудь о строжайшей воинской тайне...»

Глава 5

Мысль о Вечном Символе Христа не давала покоя ювелиру Захарию. Он перестал работать. Ему трудно было думать о каком-либо другом изделии. Не принимал заказы ни от кого. Днём он сидел озабоченный перед своей мастерской, полузакрытыми глазами глядел на Солнце и думал. А ночью приходили сны, которые только усиливали его муки поиска.

Так было и вчера во сне: он, как замороженный, слушал какую-то песню, а потом, когда песня кончилась, им овладела непонятная грусть.

А теперь сидит он вновь перед своей мастерской на камне. Солнце уже село, оно забирает свои последние лучи. Смотрит Захарий вглубь неба, на котором медленно и изящно разгуливают багрово-красные и золотистые облака. Они меняют свои формы, преобразуясь в разные причудливые облики.

«Почему мучает меня эта мысль – создать Символ... И каким должен быть этот Символ?» – мучительно размышляет Захарий и ищет в облаках знамение. Где же ещё можно искать Символ Вечности, если не на небе?

А может быть, нужно искать Символ в слухах, которые витают по всей Иудее?

Но тут пришёл к нему сосед пекарь и говорит:

– Можешь ли представить такое: Христос, который воскрес из мёртвых и вознёсся на Небеса, говорят, опять вер-

нулся на Землю, но не в том же теле, в каком он был как человек, а в небесном теле... Можешь представить?

Конечно, представить небесное тело Захарий не мог, потому посмотрел на соседа вопросительно: что дальше?

– Говорят, что Он несколько дней учил Своих учеников тайнам Бога, вдохнул в них Божью милость, дал Свою власть и опять вознёсся на Небеса... Говорят, Его ученики своими глазами видели, как Он вдруг начал излучать ослепительно яркий свет и возвышаться... Ты можешь в это поверить? Я не верю... Как такое может быть?!

Но Захарий поверил.

«Сын Бога всё может, – размышлял он, созерцая облака на небе, – но смогу ли я сотворить Символ Его Вечности?.. И как найду Символ, если толком не знаю Его Учение?»

Облака на небе перестраиваются, а Захарий удивляется: «Что они делают?»

И было чему удивляться.

Захарию кажется, что облака образуют облик человека.

«Может быть, он и есть Иисус Христос?» – думает Захарий.

Человек на небе широко простирает руки. Он огромен. Руками охватывает все небо. Опускается вниз медленно-медленно, как будто с намерением взять в руки свои всю Землю с Захарием вместе. И Захарий ждёт, когда это произойдёт. Ему хочется, чтобы этот облачный человек, которого он нарекает Иисусом Христом, забрал его в небо. Но

облако продолжает преобразовываться и небесный человек с распростёртыми руками уподобляется огромному кресту, а далее растворяется в сумерках.

– Как прекрасно! – шепчет Захарий.

В это время до его слуха донеслись звуки песни.

Ювелир насторожился.

Не из вчерашнего ли сна эта песня?

Песня приближается к нему и в опустившихся сумерках Захарий различает мальчика, который вышел из-за поворота улицы.

Захарий привстал, чтобы разглядеть его.

– Мальчик, подойди ко мне! – позвал он его. Но звать не надо было, он и так шёл в его сторону и остановился перед ним.

– Здравствуй, дядя Захарий! – поприветствовал он старого ювелира.

– Здравствуй... Какую ты пел песню, сынок?

– Спеть тебе? – спросил мальчик.

– Да-да, пожалуйста... приятная песня! – попросил Захарий.

– Хорошо! – охотно согласился мальчик и запел:

*Вмещу в сердце боль мира,
Расколю сердце, как чрево земли,
Наполню его молниями.
Новое Сердце – Щит Мира.
Начертаю на нем знак Земли-Матери.*

Крест Матери будет знаком Моего горения.

Звонкий голос мальчика и загадочные слова песни задели душу ювелира. Он ушам своим не верил: да, это была та самая песня, которую он слышал во сне, и голос мальчика был тот же самый голос.

– Спой ещё, мальчик! – умоляюще произнёс он.

– Хорошо, дядя Захарий! – и мальчик опять запел.

– Ещё раз, прошу тебя, сынок... – взмолился Захарий, когда тот закончил петь.

Мальчик запел.

Видно было, попроси Захарий спеть песню хоть тысячу раз, мальчик охотно бы повиновался.

– Мальчик, ты чей сын?

– Не знаю... ничей... – ответил мальчик без тени грусти.

– Как это ничей? – удивился Захарий.

– Не знаю... Нет у меня никого...

Захарий внимательно посмотрел на мальчика, попытался узнать в нём кого-либо из детей Города. «Странно знакомые черты», – подумал он.

– Ты не знаешь своих родителей?

– Нет...

– Ты совсем один?

– Да... Ты ведь тоже один, дядя Захарий?

– Да, тоже один... – с грустью произнёс Захарий.

– Но мечтал же ты иметь сына?

– Иметь сына... эх... мечтал... мечтаю...

– Хочешь, стану твоим сыном?

– Станешь моим сыном?! – не понял Захарий.

– Да, и ты будешь моим отцом... Буду жить у тебя и буду у тебя учиться. Хочешь? – мальчик смотрел старику в глаза и добродушно улыбался.

– Буду твоим отцом?! – Захарий расчувствовался. Не разыгрывает ли его мальчик? – Буду твоим отцом? – повторил Захарий.

– Да... а я буду твоим сыном... хочешь?

Нет! Он не смеётся над его чувствами, голос у него ангельский, и лицо ангельское и как будто знакомое.

– Господи, Ты ли посылаешь мне этого мальчика? – произнёс Захарий, взирая на небо, где только что наблюдал странные преобразования облаков, и радостный крик вырвался у него: – Хочу... хочу... хочу...

Нет в живых Амон-Ра, но вот приходит мальчик, чтобы стать его сыном.

– Хочу! Будь моим сыном, мальчик... Будь моим сыном... Хочу сына... – Захарий уже не кричал, он рыдал, ибо из пережитого и не утихшего ещё в нём горя утраты вырастала радость надежды. Мальчик сочувственно приласкал старика, провёл руками по голове, по бороде, прижал к себе. Но не говорил ему «не плачь», а только:

– Есть у тебя сын... буду твоим сыном... спасибо, что берёшь меня в сыновья...

– Скажи, откуда ты? – рыдая спросил Захарий.

– Не знаю...

– Откуда ты идёшь? – переспросил Захарий.

– Ниоткуда... – ответил мальчик и улыбнулся улыбкой правды.

– Значит, ты мальчик из Ниоткуда?

– Да, это так...

– Куда же ты тогда направлялся, к кому?

– Никуда и ни к кому... – сказал мальчик и чуть погодя добавил: – к тебе, наверное, к кому же ещё?

– Значит, ты не уйдёшь от меня, не бросишь?

– Нет, никогда... я же твой сын?

Старый, одинокий ювелир обнял мальчика и прижал к себе крепко.

– Мой сын... как я ждал тебя... как я тебя любил... ты мой сын... у меня есть сын... – и рыдание его перешло в радость.

– А я искал тебя... – сказал мальчик.

– Как тебя звать? Скажи мне твоё имя!

– Не знаю, – ответил мальчик, – нет у меня имени.

– Как это, нет имени! – удивился Захарий.

– Кто же мог назвать меня именем? – ответил мальчик. – Назови, как хочешь, ты же мой отец.

Совсем уж растроганный Захарий опустился на свой камень, а мальчик сел на корточки и посмотрел ему в глаза.

– Ты мой отец, назови меня именем... – повторил мальчик.

– Значит, у тебя нет имени... идёшь из Ниоткуда... ты мой сын... могу назвать тебя именем... но как тебя назвать... каким именем... – бормотал Захарий и опять заплакал.

Мальчик сказал ласково:

– Не плачь, отец... Я люблю тебя и буду всегда любить... Отныне я твой родной сын... Если кто спросит меня, чей я сын, я гордо отвечу: ювелира Захария. Назови меня именем, каким захочешь...

Захарий поднял голову, вытер слёзы, и мальчик при лунном свете увидел улыбку сердца старого одинокого человека.

– Ну, назовёшь меня?

И Захарий, замороженный какой-то таинственной силой, проговорил с чувством веры:

– Воистину воскрес Иисус Христос... А ты мой Ра, мой сын!

– Ра... Я Ра... Какое красивое имя! – порадовался мальчик. – Отец, я спрячусь за углом, а ты позови меня этим именем!

– Нет-нет... – обеспокоился старик. – Не надо никуда прятаться... Я давно зову тебя... Вот так зову: «Ра-а-а... сынок!...»

Захарий был счастлив.

И в это время в голове промелькнули слова: «Сон... песня... символ...»

– Сынок, Ра, спой мне песню твою, с которой Господь привёл тебя ко мне!

– Хорошо, отец! – охотно согласился мальчик, теперь уже по имени Ра.

Он запел своим звонким голосом. Песня его обвивала всё пространство и уходила в небо, а Захарию казалось, что она объединяла землю с небом.

*Вмещу в сердце боль мира,
Расколю сердце, как чрево земли,
Наполню его молниями.
Новое Сердце – Щит Мира.
Начертаю на нем знак Земли-Матери.
Крест Матери будет знаком Моего горения.*

Ра пел, а Захарий распластался на земле, раскинув руки, и душа его торжествовала, ибо обрела она просветление: внутренний взор его созерцал Огненный Крест на небе.

Глава 6

Они зашли в крохотную мастерскую, которая была и жилищем, чтобы переночевать, а утром опять порадоваться Солнцу.

Но на другое утро дверь мастерской не отворилась. Она не отворилась и в следующие дни, недели, месяцы.

Вокруг маленькой мастерской жизнь шла своим чередом: восходило и садилось Солнце, люди трудились в поте лица, добывая свой кусок хлеба, играли дети, пели птицы, менялась погода, цвели и увядали цветы.

Вокруг маленькой мастерской старого ювелира разгуливало Его Величество Время, неумолимо разрушая и созидая видимое и невидимое. Люди гнались за временем или убежали от него. У кого его не хватало, а для кого-то его было в избытке. Кто старел и грустил об ушедшем времени, а кто вырослел и стремился перепрыгнуть через него. Люди взирали на время с надеждой и тревогой, с радостью и грустью. И всем казалось, что причиной их судеб было время, которое несло им благие дары или роковые удары. В песке мелких дел и забот люди теряют связь с Вечностью, и мало кто думает, что можно жить вне Времени, можно выйти из-под власти Времени.

Кто мог представить, что в пространстве маленькой мастерской воля отца и сына притянула Вечность и вытеснила

Время.

Мимо мастерской проходили люди, останавливались, звали Захария, кричали, стучали в дверь. Но эти звуки не проникали внутрь, где царила Вечность.

После многократных усилий люди подумали, что ювелир или уехал куда-то, или никого не хочет видеть, потому что создаёт что-то необычное для какого-либо вельможи. Так они перестали стучать в дверь и звать ювелира.

Захарий полностью отключился от внешнего мира. И что для него был внешний мир, когда в душу его вселилась Вселенная, и Свет с небес переплёлся с любовью к сыну. То и дело он опускался на колени, чтобы дать волю чувствам благоговения, и из сердца его, как из вулкана, извергался мощный огонь: «Спасибо Тебе, Господи... Спасибо Тебе... Спасибо...» А слёзы умиления, которыми сопровождались такие извержения, ещё больше воспаляли и утончали чувства старика.

Символ, который предстояло ему сотворить, ещё зрел в его внутренней вселенной. И помогал ему в этом мальчик из Ниоткуда, который стал его сыном и которого назвал Захарий именем Ра. «Я буду твоим учеником, буду учиться у тебя», – сказал Ра.

Но и сын стал для отца учителем, сам Захарий принял его своим учителем, ибо знал он так же много, как Амон-Ра.

В тот вечер, когда они вошли в мастерскую и Захарий закрыл за собой дверь, Ра радостно улыбнулся и сказал:

– Теперь я дома!

Захарий обнял его, усадил на тахту и спросил:

– Ра, сынок, скажи мне, ты слышан об Иисусе Христе?

– Что ты хочешь знать о Нём, отец?

– Хотел бы узнать, каким Символом можно выразить Суть и Вечность Его.

– Конечно Крестом, отец, чем же ещё! – ответил мальчик просто и естественно, не задумываясь.

Захарий был поражён тем, как он поставил печать на знамение, которое уже теплилось в его душе по воле Небес.

– Откуда ты знаешь? – спросил Захарий.

– Не знаю, откуда, отец, но это правда! – и мальчик добродушно улыбнулся.

Но почему именно крест? Для Захария это оставалось загадкой.

И вообще, что такое Крест, кто его придумал, как он может олицетворять суть Иисуса Христа, суть Его Учения? Ювелиру вся эта наука была неизвестна. А создать Символ Вечности без этих знаний он не мог.

– Ра, сынок, ты знаешь что-нибудь о Кресте? – спросил Захарий.

– Скажу, что придёт мне в голову, но ты, отец, не сомневайся, все будет правда! – ответил Ра.

И с этого мгновения из крохотного пространства мастерской старого ювелира исчезло время, в нем воцарилась Вечность.

Ра рассказывал, а Захарий впитывал.

Захарий узнал, что символ Креста люди получили из Космоса, из Высших Миров. Пришёл он в сознание человечества с незапамятных времён. Символ этот является универсальным, и каждое его значение имеет таинственный и глубокий смысл.

Захарий узнал ещё, что Крест есть символ Центра Мироздания. В нём пересекаются Дух и Материя, потому он означает Духоматерию, а Иисус Христос был Богом в человеческом облики. Пересекаются в нём Пространство и Время, потому он отражает в себе Беспредельность, откуда и пришёл к людям Иисус Христос. В нём заключена суть неба и земли, потому он есть знак жизни, а Иисус Христос принёс людям Учение о жизни Вечной. Крест соединяет в себе противоположные начала, потому что он есть зов к единению, а основа Учения Иисуса Христа есть Любовь к ближнему, даже к врагам.

Захарию стало известно также, что в Кресте мыслятся Огонь и Древо Жизни, судьба человечества и судьба каждого человека... Счастье мира – на Кресте.

– Всё это – значения Креста, да ещё многое другое, что нам неизвестно, ибо это есть тайна, заключенная в Символе Креста, – пояснил сын отцу.

Он помог Захарию разобраться в том, почему Иисус Христос был распят на Кресте. Люди отошли от Бога, озлобились их сердца, они забыли о высшем значении Креста и сделали

из него символ жесточайшей жизни и мучительной смерти. Иисус Христос принял самую мучительную смерть от людей через распятие Его на Кресте, который есть высший символ Божественной Любви.

И Захарий понял самое главное: Иисус Христос восстанавливает в сознании людей истинный смысл Креста.

– Отец, – сказал Ра, – Христос призывает каждого: «Возьми свой крест и следуй за мной». Давай разберёмся, что это может значить.

Перед старым ювелиром открылись последующие врата истины.

Вначале они согласились, что Крест есть Духовное понятие, а не деревянное сооружение, на котором распяли Иисуса Христа. В нём мыслится Божественная Любовь, которая на земном пути человека и человечества неизбежно влечёт страдания и самопожертвования. В нём также мыслится преданное служение человека Богу, он зовёт каждого утвердить на Земле мыслями и делами своими добро.

Потом они попытались разобраться в словах «Возьми свой крест...».

– Что значит «свой крест»? – спросил отец сына.

Ра помог ему выяснить, что каждый человек, пришедший в мир земной, имеет своё Божественное предназначение, оно и есть «свой крест». Человек должен следовать своему предназначению, что и будет служением Богу. Он может узнать о своём предназначении через познание себя, через слушание

своего сердца, через добродетельность и любовь к людям.

– Свой крест... – задумчиво и грустно произнёс Захарий. – Взял ли я свой крест и иду ли я по пути Христа? Я уже стар, значит, уйду из жизни без своего креста, и что будет со мной в Божьем Царстве?..

– Отец, не терзай себя, – сказал Ра, – ты давно уже несёшь свой крест. А если создашь Символ Вечности Христа, то достойно донесёшь свой крест до конца.

– А почему именно я?

– Тебя же мучает, отец, эта мысль? Значит, с тобой говорит твоё сердце. Вся твоя жизнь была путём к тому, чтобы ты сотворил Крест Иисуса Христа. Ты сберёг в себе духовную чистоту, утончил чувство прекрасного, сделал свои руки золотыми... Вот и наступает время, когда нужно сотворить самое главное в жизни... Кроме того, тебе было сказано свыше, верно?

Захарий в изумлении уставился на Ра, не понимая, как он мог узнать о том, что с ним произошло.

– Ра, сынок, откуда тебе все это известно? – спросил озадаченный Захарий.

– Не знаю, отец... Только ты не сомневайся, ибо говорю я правду!

– Конечно, говоришь правду... Скажи мне ещё, что делает Крест Христа в жизни людей?

И Захарий услышал от Ра об исторической судьбе Креста Христа в жизни будущих поколений людей.

Пройдут тысячелетия и Крест, как символ жизни Христа и Его Учения, преобразит мир.

Люди поймут, что у того, кто не возьмёт свой крест и не последует за своим предназначением, земная жизнь пройдёт впустую, даже во вред его душе.

Они поймут, что каждый, принявший участие в несении Креста Христа, станет спасителем Мира, ибо нет ни дня, ни часа, когда бы Мир не находился в опасности.

Люди построят храмы Христа, которые будут иметь форму Креста, а купола их будут увенчаны Крестом.

В храмах этих Крестом Христа будут крестить детей, будут молиться Богу и креститься в знак верности.

От имени Креста Христа и Его Учения народы станут объединяться, создавать государства, защищать веру.

Крест Христа станет источником расцвета сердца, разума и духа людей, они создадут величайшие творения прекрасного.

Крест Христа проявит таинственную силу в защиту Света и в поражение тьмы.

Люди поймут, что проявление мощи Креста Христа будет зависеть от искренности их веры, от чистоты их помыслов и устремлений.

Люди постигнут мудрость: истинный Храм есть их сердце, отмеченное Крестом Христа.

На людей то и дело будет набрасываться тьма, и народы захотят разделить Христа, присвоить Христа, сделать Его сво-

ей собственностью, принеся вред Единому Храму Христа, переименуют Его по-своему, от имени Креста Христа будет твориться зло. Но мощь единства людей во Христе восторжествует, хотя уйдут на это тысячелетия.

Старый ювелир слушал эти откровения, и им овладевало чувство великой ответственности перед Будущим.

– А мой Крест Христа? Что он принесёт людям?

– Отец, – сказал Ра, – твой Крест Христа есть духовный Крест, он источник всех крестов, которые когда-либо будут созданы. Жизнь Креста Христа в поколениях начнётся через твой Крест, который ты сотворишь... Но, кроме того, сотворённый тобою Крест Христа будет первым чудотворным... Ибо ты сотворишь его вначале в духе своём, а потом пусть действуют твои золотые руки...

– Чудотворным?! – насторожился ювелир.

Ра продолжал:

– Со временем твой Крест Христа обретёт славу и таинственность, и судьба его будет особенной...

– Какой? – спросил ювелир.

– Особенной, отец... Дальше не знаю...

И вдруг... Захарий не успел дослушать последние слова сына-учителя, как вдруг всё тело его вздрогнуло, в душе сверкнула ослепительная молния, и воспламенилось фиолетовое пламя. Ювелир превратился в огонь. Он бросился в угол мастерской, где лежало несколько поленьев вербного дерева. Лихорадочно схватил один из них и подбежал к стан-

ку с инструментами. Свечи на столе зажглись сами и начали светить ювелиру так, чтобы он ясно видел и беспрепятственно выполнял свои ювелирные тонкости.

Прижимая к груди полено вербного дерева, он опустился на колени и начал шептать слова, известные только ему.

Он уже не видел вокруг себя ничего. В его воображении рисовался Огненный Крест Христа, и ему надо было воплотить его в куске дерева.

Он забыл и о Ра, который, увидев творческую отрешённость отца, тоже последовал его примеру: так же прижал к груди свой кусок дерева, так же встал на колени рядом с отцом и повторял слова, которые улавливал в молитве отца.

Захарий теперь становился учителем для сына, хотя об этом он и не думал.

Долго длилась медитация двоих.

Произносили они таинственные слова, ласкали и прижимали к груди свои части вербного дерева, склонялись к земле и целовали её. Потом вдвоём тихо запели Божественную песню, с которой мальчик из Ниоткуда явился к старому ювелиру.

*Вмещу в сердце боль мира,
Расколю сердце, как чрево земли,
Наполню его молниями.
Новое Сердце – Щит Мира.
Начертаю на нем знак Земли-Матери.
Крест Матери будет знаком Моего горения.*

Каждое слово песни тут же превращалось в некий духовный свет, который сгустился вокруг куска вербного дерева и погружался внутрь него.

Рука ювелира взяла острый нож из набора инструментов. Из того же набора взял нож Ра.

Сын-ученик пристально следил за каждым движением руки мастера, вслушивался в слова, которые он нащёптывал, и повторял всё в точности.

Кончики их острых ножей осторожно и ласково снимали всю кору с поверхности крепких и белых, как слоновая кость, кусков дерева и высвобождали Красоту Вечности, которая была заточена там, внутри. Они то и дело отдаляли их от своих глаз, чтобы с расстояния увидеть в них то, что искали. Потом молились, потом пели Божественную песню. Потом опять осторожно и ласково отделяли от дерева лишние части.

И когда старый ювелир сделал последнее движение ножом и сдул с дерева последнюю пылинку, в его руках засверкала белизна Креста.

В тот же миг заиграл Крест в руках ученика.

Оба внимательно и нежно обвели пальцами каждый уголок своих Крестов.

Вновь помолились, перекрестились и спели Божественную песню.

Далее ювелир начал украшать Крест жемчужинами, алма-

зами и другими драгоценными камнями. Делал он это так, как будто созерцал звёздное небо, ибо проговаривал имена звёзд.

Сын-ученик не отставал от отца-учителя, тоже украшал Крест, тоже шептал имена звёзд, и видел, как на Кресте возникало звёздное небо и солнечное утро.

Наконец старый ювелир позолотил кончик Креста.

После этого поставил он своё творение перед собой, долго-долго смотрел на него, мысленно одухотворяя каждую его частицу.

Ученик сделал то же самое.

– Все... – прошептал Захарий, – вот Крест Христа... Это есть Символ Христа...

– Все... – прошептал Ра, – вот Крест Христа... Это есть Символ Христа...

Они спели Божественную песню, помолились и перекрестились.

Из их глаз тихо потекли слёзы радости, умиления, счастья.

Слезы капали на сотворённые ими Кресты и тут же проникали внутрь их.

Прижав к груди Крест Христа, Захарий улёгся на земляном полу и заснул.

Рядом с ним заснул Ра, тоже прижав к груди созданный им Крест.

Им приснился один и тот же сон: вдвоём стояли они на коленях перед Иисусом Христом, каждый, держа в руках

Крест, и Он благословлял их.

Проснувшись, ювелир Захарий как-то рассеянно оглянулся вокруг, думая, что спал долго, и удивился, когда в руках своих обнаружил необычное творение. Ему показалось, что вынес он Крест Иисуса Христа из только что увиденного сна.

Он взглянул на Ра, который тоже проснулся и тоже держал в руках такое же необычное творение.

– Ра, сынок, откуда в наших руках такие творения?!

– Отец, – ответил Ра, – ты был в огне творчества и сам сотворил Крест Христа, который держишь в своих руках...

– Это сделал я?! – искренне удивился Захарий. Он начал рассматривать Крест Христа, восхищаясь в душе каждому узору, каждому изгибу, каждому искусно вставленному камню. – Разве я способен на такое?! – проговорил он.

– Да, отец, ты выполнил свой долг, создал Символ Вечности Жизни – Крест Христа, и тебя во сне благословил Иисус Христос... Крест твой, отец, чудотворный...

– Чудотворный... – повторил Захарий.

Он не мог вспомнить, как создавал этот удивительный Крест, который действительно был образцом высшего искусства, хотя после слов Ра в нём ожил прекрасный сон: стоял он перед Иисусом Христом на коленях и протягивал Ему именно этот Крест. Христос взял Крест из его рук, вознёсся с ним в Небеса, перекрестил сим всё человечество с его прошлым, настоящим и будущим, и произнёс: «Да будет жизнь вечная». Потом Крестом перекрестил мастера и сказал ему:

«Благословен твой труд...» Вот такой чудесный сон с чудотворным Крестом Христа.

— А Крест, что ты держишь в руках, тоже сделал я? — спросил Захарий.

— Отец, — ответил Ра, улыбаясь, — я смотрел, как ты творил Крест, и повторял все твои движения, и получился у меня точно такой же Крест Христа, какой держишь ты в своих руках. Но есть одно отличие между этими Крестами...

— Они совсем одинаковые! — сказал Захарий, удивляясь старательности и способностям сына.

— Внешне они действительно одинаковые и друг от друга неотличимы, но тот, который у тебя в руках, уже чудотворный, а этот чудотворным станет спустя века...

— Как же тогда их можно отличить друг от друга?

— Рукой, отец... Держи в одной руке один, а в другой — второй Крест...

Захарий так и сделал. И он почувствовал, что от Креста, который сотворил он, через ладонь правой руки проходили какие-то приятные волны и распространялись они по всему телу.

— Да, действительно... — прошептал Захарий.

— Вот какая Божественная сила в тебе, отец! — сказал Ра.

Он подошёл к нему, наклонился к его рукам, которые создали чудотворный Крест, и трепетно поцеловал их.

Захарий был тронут нежностью Ра, тоже поцеловал его в лоб и сказал задумчиво:

– Не стал бы мой Крест чудотворным, не будь тебя рядом со мной... Спасибо Тебе, Господи, что не оставляешь мою старость в одиночестве... – его глаза наполнились слезами.

– Пора открыть двери и посмотреть на Солнце, отец! – сказал Ра.

Он подошёл к двери, снял тяжёлую щеколду и впустил в маленькую мастерскую старого ювелира земное Время и земной Внешний мир.

Глава 7

Выглянув из мастерской, Захарий увидел идущего мимо соседа-пекаря с мешком муки за спиной. Старый человек, согнувшись, с трудом волочил ноги.

– Здравствуй, сосед! – закричал Захарий, зная, что он плохо слышит. Захарий любил соседа-пекаря, доброго бедняка.

Тот остановился, с трудом повернулся в его сторону и радостно ответил:

– Здравствуй, Захарий!.. Наконец-то ты показался... Никто не верил, что ты там... Только я верил... Сколько помню тебя, так надолго ты никогда не запирался в своей каморке...

– А как долго, сосед? – спросил Захарий. Он действительно потерял счёт времени. Так бывало с ним и раньше.

– Сам разве не знаешь?.. Ровно на год ты заточил себя...

– Год?! – удивился Захарий. – Ты не ошибаешься?

– Не-е-ет... Я это точно знаю... А знаешь, какие в Городе пошли слухи?

– Обо мне, что ли?

– О ком же ещё? Вначале говорили, что ты делаешь что-то необычное, выполняешь заказ какого-то большого человека... Потом начали говорить, что ты куда-то уехал и больше не вернёшься... Болтали ещё, что ты умер в своей мастерской... Я-то знал, что ты не умер и никуда не уехал, но никому об этом не говорил. А когда собрались взломать дверь

твоей мастерской, я не дал им этого сделать, сказав, что ты мне поручил присматривать за ней... Вот что произошло за этот год...

Сосед-пекарь, тащил на спине тяжелый мешок, а плечи его были опущены, как ветви плакучей ивы. Он говорил ещё о многом: как legionеры притесняют бедных, кто ушёл из жизни, кто женился, кто... что... Но Захарий не слушал, потому что был сильно озадачен: ему казалось, что они с Ра зашли в мастерскую и заперлись в ней вчера или, в крайнем случае, два – три дня тому назад, а сосед твердит что-то странное: год, говорит, ты не выходил из своей мастерской.

– Захарий, ты слышишь меня, или тоже оглох, как я... – повысил голос сосед-пекарь. Он так и стоял с мешком муки на спине. – Захарий, ты не покажешь мне, что ты на этот раз сотворил... А, Захарий? Добрый сосед!

В голосе его звучала мольба. Он всегда оберегал одинокого ювелира, заботился о нём, приносил ему горячие лепёшки, иногда присаживался рядом с ним перед мастерской, и они вместе молча созерцали звёздное небо.

– А, Захарий, ты не покажешь?.. Покажи, а? – упрашивал сосед-пекарь.

«Пусть посмотрит», – подумал Захарий.

– Заходи, сосед, в мастерскую...

Тот сразу сбросил с плеч свою тяжёлую ношу, радостно улыбнулся и пошёл за Захарием. И только сейчас увидел незнакомого мальчика.

– Кто он?

– Мой сын, – гордо сказал Захарий, – звать его Ра, и не спрашивай о нём больше ничего!.. – он подвёл соседа к столу, на котором лежали Кресты Христа. – Вот, посмотри!

Сосед-пекарь, плечи которого были опущены, как ветви плакучей ивы, посмотрел на Кресты и оторопел. Он стоял как немой и замороженный. Он многое видел в этой мастерской, ювелир всегда показывал ему вещи, которые он делал для богатых вельмож и купцов. Но то, что видели сейчас его глаза, ни с чем нельзя было сравнить. И не только потому, что перед ним лежало совершенное искусство, а скорее потому, что в душе и сердце его Кресты Христа вызвали непонятный, необъяснимый трепет и блаженство. Он невольно опустился на колени, начал целовать то один, то другой Крест и что-то благоговейно шептать, рыдая и приговаривая:

– Господи, узнаю Тебя... Ты есть Иисус Христос, Сын Бога... Помилуй меня, Господи, грешного... Иисус, я верю в Тебя... Ты есть мой Крест...

Потом он успокоился, встал и вышел из мастерской. Подошёл к своему мешку с мукой и с удивительной лёгкостью взвалил его на плечи. Пройдя несколько шагов и приостановился. Так стоял он спиной к Захарию и Ра, наблюдающим за ним.

– Что с ним? – обеспокоился Захарий. – Не плохо ли ему стало?

Но сосед-пекарь вдруг сбросил на землю мешок с мукой,

обернулся и подбежал к Захарии.

– Что ты со мной сделал, Захарий?.. Что сотворил со мной твой Крест, Захарий?.. Я молодею, становлюсь другим... У меня очищаются мысли... Помнишь, была на шее язва, она исчезла... Я выпрямился, Захарий, во мне сила, смотри... – он подпрыгнул несколько раз. Потом он начал целовать руки ювелира. Не спрашивая разрешения, забежал он в мастерскую, опять опустился на колени перед Крестом Христа: – Спасибо Тебе, Господи... Слава Тебе, Господи... Я узнаю Тебя, Иисус... – и поцеловал вначале один, а затем другой Крест. Потом, выпрямившись в плечах, он с лёгкостью молодого человека побежал к своему мешку. Поднял его как подушку и, удерживая вытянутыми руками над головой, закричал: «Захарий, видишь, что сотворил твой Крест, Крест Господа!.. Он чудотворный!»

Сосед запел весёлую песню и, держа мешок над головой и пританцовывая, направился к своей пекарне.

Захарий не ожидал такого чуда.

– Что с ним? – произнёс он в недоумении.

– Отец, это произойдёт с каждым, кто приблизится к Кресту Христа, сотворённому тобой, с чистым сердцем...

В это время Захарий увидел Бунгло, который с конца улицы направлялся в их сторону. На нем восседала Саломея, а рядом шли Иорам и Филипп.

Саломея кричала издалека:

– Дядя Захарий, мы к тебе!

ставить эти Кресты Матери Иисуса Христа Марии... Так мне было сказано во сне... Дорога длинная, на пять дней... И нам надо немедленно отправиться!

– Хорошо, доченька! – сразу согласился Захарий, – Ра, сынок, давай закроем двери мастерской!

Когда все они во главе с Бунгло проходили мимо соседа-пекаря, тот перегородил им путь и каждому вложил в руки горячие хлебцы. Он угостил Бунгло, потрепал его по мохнатой голове и всем радостно объявил:

– Крест Христа исцелил и омолодил сегодня меня... Я верую во Христа... Он был Бог, пришедший к людям... Смотрите, каким сильным сделал меня Крест Христа, который сотворил Захарий!

Он оглянувшись, подошёл к огромному камню, который испокон веков лежал на одном и том же месте.

– Я подниму его... – сказал он и действительно поднял.

Положив камень обратно, пекарь поинтересовался:

– Куда же вы все направляетесь? Будете вручать Крест казачику?

Саломея поспешно ответила:

– Да, мы сопровождаем дядю Захария...

– И правильно делаете... Кто этот счастливчик?

– Мы его не знаем! – опять поспешила с ответом Саломея и обратилась к Бунгло: – Веди нас...

Захарий обратился к соседу-пекарю и сказал громко, чтобы тот услышал:

– Присмотри, пожалуйста, за мастерской!

– Конечно, Захарий, не волнуйся! Но я разве не говорил тебе, что ко мне вернулся слух?

Сосед-пекарь долго смотрел им вслед и улыбался.

Глава 8

Слух о необычном кресте разнёсся по Городу молниеносно.

Да разве могла быть в этом какая-либо трудность?

Всем, кто только приходил в тот день в пекарню, чтобы купить хлеб, пекарь возбуждённо рассказывал, какое с ним произошло чудо.

– Как только увидел я этот удивительный Крест Христа, во мне сразу всё изменилось: и мысли, и чувства, и тело, и возраст...

Ему не было необходимости кому-либо что-то доказывать, всё и так было наглядно: старый пекарь не был уже стар, сгорбившийся пекарь не был уже сгорбившимся, пекарь с язвами на шее не страдал уже от них, а пекарь глухой слышал теперь даже шёпот. Кроме этого он охотно демонстрировал свою силу: с лёгкостью поднимал над головой огромный камень, который лежал перед пекарней, и который не в состоянии были сдвинуть с места даже пять крепких парней.

Что же ещё можно было назвать чудом, если не преобразования, произошедшие с пекарем! А причиной тому был Крест Христа, который сотворил ювелир Захарий.

– Вы понимаете, целый год он не выходил из своей мастерской, создавая этот чудодейственный Крест Христа... Никто не верил, что он заперся в своей мастерской, а думали, что

он умер... А я верил, что Захарий там... – гордо рассказывал пекарь людям, которые слушали его с удивлением.

– А Крест-то какой? – спрашивали его.

– Удивительный... Лучшей красоты и драгоценности я не видел... Но главное – увидишь и исцеляешься... Я уверовал в Иисуса Христа, Он был Сыном Бога...

Многим хотелось тоже увидеть Крест, исцелиться, помолодеть. И какая их охватывала обида, узнав от пекаря, что Захарий уехал.

– Он уехал вот в том направлении, – указывал он рукой, – уехал вместе с ребятами и медведем, чтобы вручить заказ хозяину – чудотворный Крест.

Слух о Кресте Христа сразу облетел всю Иудею, и одной из первых, кто узнал о Кресте, была жена прокуратора Понтия Пилата. Она в душе верила во Христа, и когда узнала, что есть такой необычный и чудотворный Крест Христа, обратилась к мужу с настоятельным требованием выкупить его, чего бы он ни стоил.

Прокуратор тоже заинтересовался Крестом. Точнее, он был обеспокоен тем, что после распятия Иисуса из Назарета слава Его всё больше возрастала и последователей становилось больше, чем при Его жизни. И если такой Крест действительно существует, он ещё больше укрепит величие Христа. «Значит, – подумал прокуратор, – нужно овладеть им и, тем самым, помешать распространению влияния так называемых христиан. Кроме того, будет довольна жена, ко-

торая, может быть, простит меня за распятие Христа».

Прокуратор дал секретное задание достать Крест любым способом одному из верных своих сотников по имени Юлиус.

Узнал о Кресте Христа и царь Иудеи Ирод Агриппа. Он и без того был озлоблен на последователей этого «Пророка» и всячески их преследовал. Если Крест действительно чудотворный, его нельзя отдавать последователям Христа, ибо они привлекут к себе ещё больше людей. А почему бы самому ни воспользоваться чудодейственной силой Креста? Надо завладеть Крестом. Так думал царь Ирод Агриппа и потому вызвал своего военачальника.

– Вот тебе секретное задание, – сказал он ему, – завладей этим Крестом!

И так как приказ был отдан с намёком «отвечаешь головой», военачальник тут же приступил к делу.

О чудотворном Кресте гонцы донесли и Героду Антипе, четвертовластнику Иудеи, правителю Галилеи. Герод Антипа был озлоблен на Христа. Накануне распятия Он был у него, и в его воле было освободить Иисуса. Но Герод Антипа поставил условие: покажи чудо. Христос же не показал ему никакого чуда и, вообще, говорить с ним не стал. А теперь, видите ли, некий умалишённый ювелир создал Крест Христа, который, якобы, чудотворный. Что будет, если в эту чушь поверят наивные? Ой-Ой! Надо обязательно отнять у них этот Крест Христа, разломать на куски и доказать, что

он никакой не чудотворный.

Герод Антипа вызвал одного десятника и дал строгий наказ:

– Достань мне этот Крест и держи приказ в секрете!

А когда десятник уходил, он остановил его и ещё раз предупредил:

– Без Креста не возвращайся, понял?!

Тем временем носители Креста Христа шествовали в сторону Иерусалима. Они и не подозревали, что за ними ведут слежку доносчики могущественных правителей Иудеи. Доносчики вели себя как путники.

Первым попытался выполнить приказ десятник четвертовластника Герода Антипы.

Его legionеры подкараулили носителей Креста в окрестностях города Салима, через который лежал путь в Иерусалим. Доносчики сообщили десятнику, что носители Креста обязательно пройдут по этому пути, ибо другой обходной дороги не было. Десятник рассчитал время, когда они должны пройти тот отрезок пути, где было бы наиболее удобно окружить их и отвести к Героду Антипе. И пусть он сам отнимет у них этот Крест. Он и своим legionерам не открыл тайну, кого и зачем нужно было захватить.

Десятник расположил своих бойцов по обеим сторонам дороги, упрятал их в кусты. По его приказу они должны были неожиданно наброситься на путников и захватить их. «Это те, – сказал десятник, – которые провинились перед римской

властью, и их разыскивает четвертовластник».

Так сидели legionеры в кустах в течение двух дней. На третий день утром десятнику донесли, что приближается медведь со своей группой. Десятник проверил готовность своих legionеров.

И вот видит: идёт огромный медведь, на нем сидит девочка. Рядом идут старик и трое мальчиков. О медведе десятник был наслышан, но вовсе не думал, что может возникнуть какая-либо проблема в задержании детей и старика. Один legionер, который уже был предупреждён, должен вонзить медведю в брюхо копье. А детей и старика свяжут остальные. Вот и вся тайная операция.

Носители Креста приближались. Ещё чуть-чуть, и десятник отдаст приказ.

Но приказ не последовал.

Со всеми legionерами случилась какая-то беда: всем сразу захотелось спать. И, не думая ни о чём, они улеглись под своими кустами и мирно заснули. Первым же заснул сам десятник: именно тогда, когда нужно было отдать приказ, он потянулся, протяжно зевнул и развалился под кустом.

Бунгло гордо прошёл этот участок дороги, и никто из носителей Креста так и не узнал, какая их здесь поджидала опасность.

Четвертовластник гневался, что десятник запаздывает. Но legionеры со своим десятником проспали в кустах ещё три дня. Некий случайный прохожий, который по нужде ото-

шёл в кусты, увидел лежащих там легионеров. Вначале он подумал, что все они мертвы. Но когда собрался забрать у десятника саблю, тот открыл глаз и заорал на него. Крик начальника разбудил всех. И от прохожего они узнали, что проспали три дня. Мог ли десятник после этого вернуться к четвертовластнику? Он прекрасно знал, как тот поступит. Потому объявил своим подчинённым:

– Я больше не десятник... Спасайтесь, как можете...

Военачальник царя Иудеи построил коварный план овладения Крестом. Он приказал закрыть все ворота Иерусалима, оставив открытыми только главные ворота, которые назывались Геннафа. Они были рядом с дворцом царя. Военачальник сделал так, чтобы каждый, входящий в Иерусалим через эти ворота, был вынужден пройти через замкнутый дворик. Любого, оказавшегося там, запросто можно было задержать.

Военачальник выстроил своих солдат у ворот и приказал завлечь в этот дворик детей со стариком и медведем.

– В Иерусалим их пропускать нельзя, надо арестовать всех! – о Кресте он солдатам ничего не сказал.

Так солдаты со своим военачальником вместе с нетерпением ждали необычных посетителей Иерусалима. Доносчики время от времени сообщали военачальнику местонахождение медведя и его сопровождающих. Солдаты тем временем играли в кости, веселились, ибо задача им вовсе не казалась сложной.

Наконец, с наблюдательной вышки доложили, что на дороге показался медведь. Пятьдесят воинов заняли свои места.

Вскоре медведь подошёл к воротам Геннафа.

И с солдатами случилось нечто непонятное: каждый из них обнаружил, что не видит ничего, кроме ослепительного света. То же самое произошло с военачальником, который вот-вот собирался отдать приказ о захвате.

– Что это со мной? – закричал он в ужасе.

До медведя и его спутников никому уже не было дела. Солдаты тоже в панике кричали:

– Что это со мной? Помогите, ничего не вижу...

– Ослеп от яркого света... Ничего не вижу...

Носители Креста мирно прошли через ворота Геннафа и направились к южной части Иерусалима. Они и не заметили, что миновали ловушку, приготовленную для них, хотя их и удивил общий переполох.

Солдаты, находясь в замешательстве и кружась в поиске какой-то опоры, в конце концов, сами оказались в том внутреннем двореке, куда собирались заманить медведя и его сопровождающих.

– Помогите, помогите! – кричали они.

Но другие опустились на колени, возведя руки к небу – они молились и просили у Бога прощения.

Носители Креста Христа некоторое время с удивлением наблюдали за переполохом. Собравшиеся на крики и вопли

солдат люди так были встревожены происходящим, что не замечали рядом стоящего огромного медведя. Потом Саломея сказала:

– У нас дела поважнее, нам надо спешить!

В это же самое время произошло и другое событие.

Сотник легионеров ведь тоже имел тайный приказ от прокуратора Понтия Пилата раздобыть Крест. Он разработал свой коварный план и приказал всем своим легионерам переодеться в обычную одежду горожан Иерусалима. Некоторых заставил облачиться в женскую одежду. В таком «незаметном» виде они должны были тайно проследить за медведем и его сопровождающих и установить, в каком доме они останутся. Далее он намеревался окружить этот дом ночью, чтобы никто в городе не узнал об этом, взять всех в плен и заточить в тюрьму. Ну и, конечно, он отнял бы у них этот непонятный Крест, чем и порадовал бы прокуратора.

Сотник распределил своих легионеров: часть из них следила за городскими воротами Геннафа, другая же часть была разбросана по улицам города.

Но сотнику не повезло.

В то время, когда солдаты царя завопили, что ничего не видят, именно в тот момент, когда Бунгло и следовавшие за ним вошли в город, и переодетые в женские одежды легионеры, увидев медведя, собрались немедленно сообщить об этом сотнику, точно в это же самое мгновение произошла никем не замеченная беда. Её не заметили даже те, с кем она

стрясась: каждый из ста легионеров, шатающихся по улицам Иерусалима или ожидающих у ворот, и сам сотник тоже вместе с ними, – а он в это время находился в бане, – вдруг забыли, что им отдан приказ. Забыли, зачем они разгуливают по улицам, и вообще забыли, кто они такие. Ими овладело глупое веселье: кто пустился плясать, кто запел песни.

Народ, собравшийся у ворот Геннафа и в ужасе созерцающий, как кричат солдаты: «Помогите, ничего не вижу!», возмущился поведением «женщин», которые именно в это время решили веселиться.

– Что они вытворяют?! Прогоните этих беспутниц... – возмущалась толпа.

А тем временем по улицам Иерусалима шёл медведь, ведя за собой носителей Креста Христа. Но до них никому не было дела, ибо если кто не танцевал и не пел песен, то смотрел, как другие танцуют и поют.

– Что происходит в этом городе? То разом зрение теряют, то разом страсть веселья на них нападает... – проговорил с удивлением Захарий.

– Странно все это! – подтвердил Филипп.

Но Саломея и Ра молчали.

Бунгло тоже видел, как ведут себя люди, но не обращал никакого внимания и не издавал никаких звуков. Он спокойно вёл носителей Креста к дому на окраине Иерусалима.

Глава 9

Когда Бунгло улёгся перед маленьким домом из глины, все поняли, что уже пришли. Во дворе, который был огорожен низким забором, были видны подсобные строения и небольшой огород с виноградником. В огороде работала женщина в белом одеянии. Голова у неё тоже была завязана белым платком.

При взгляде на неё в мыслях Саломеи само собой родилось слово «Богородица». «Она Богородица... Она родила Сына Бога Иисуса Христа!» – подумала Саломея и душа её затрепетала.

Все стояли у открытой калитки и смотрели на женщину. Никто не осмеливался позвать её или войти во двор без разрешения.

Но им и не пришлось долго ждать. Женщина сама обернулась к пришедшим и радостно им улыбнулась. Невидимые лучики осветили сердце каждого.

Она распростёрла руки, показывая тем самым, что рада приходу путников. Так, вся сияющая, она направилась к ним.

И с каждым произошло нечто необычное.

Филиппу захотелось побежать навстречу женщине и очутиться в её объятиях. «Это моя мама... Моя мама... Мама!» – шептало его сердце.

Ра и Саломея почувствовали присутствие Святого Духа и опустились на колени.

Иорам наполнялся Светом и Звонem Колоколов, нисходящих с небес, и его охватило блаженство.

Бунгло ползком приближался к калитке и готовился облизнуть ноги приближающейся женщины.

С ювелиром Захарием тоже происходило чудо.

Женщина в белом, с широко раскрытыми руками, сияющая и устремившаяся к ним!

«Она же живой Крест, Она Матерь Земли! – воскликнул ювелир в душе. – И как могло произойти, – удивился он, – что мой Крест Христа, который я целый год творил в своей каморке-мастерской, так похож на Этот Божественный Образ?!»

Сознание Захария сразу извлекло из огня его творческого горения один единственный миг, когда он чуть было не поддался своему земному воображению и вместо Креста Христа собрался вырезать из вербного дерева распятого на Кресте Человека. Острием ножа он даже провёл на дереве первую линию. Но вот только теперь, заглянув в этот, приостановленный для разгадки, миг, Захарий увидел, как из его огня творческого самозабвения вдруг появляется женщина в белом, с распростёртыми руками, пересекает небосклон его внутреннего мира и исчезает за горизонтом. И видит Захарий ещё, как его рука, не останавливаясь, тут же отсекает острием ножа первую линию, возникшую из земного во-

ображения, и вырезает другую, рождённую вдохновением с Небес.

Познание загадки мига, незамеченного тогда и сохранённого в глубине души, дало ему ответ на вопрос: почему его Крест Христа, который он так нежно прижимает к груди, похож на эту женщину. «Потому, что Она и есть Живой Крест Христа, Она Матерь Земли! Она вдохновила меня сотворить Живой Крест, а не распятого на Кресте Человека!» – подумал Захарий.

Женщина – Мария – Богородица – Матерь Земли приблизилась к ним.

– Дети мои, как я рада вас видеть! – произнесла она необыкновенно ласково прекрасным звучным голосом и обняла Филиппа.

– Мама... Мама... Мама! – зарыдал Филипп от радости и уткнулся ей в грудь.

– Сынок мой... Мой любимый мальчик! – сердечно приласкала она его и поцеловала в лоб.

Мария подняла с колен Саломею и Ра.

– Дочь моя... Сын мой! – обняла их и тоже поцеловала в лоб.

Потом она обняла Захария.

– Ты мастер от Бога. Так говорят ангелы, брат мой! – сказала Она ему. – Скоро увидим твой Крест!

Наконец Мария наклонилась и приласкала Бунгло, а он пробубнил что-то радостное.

– Хватит облизывать мои ноги... Спасибо тебе, что привёл путников невредимыми!

В это время к ним подошёл высокий мужчина с бородой. Мария обрадовалась ему тоже.

– Вот Иоанн пришёл, Апостол Иисуса!

Иоанн всем улыбнулся. Было видно, что он знал о них.

– Проходите, милые мои, проходите во двор! – радушно пригласила Мария.

И все они усадились в тени яблочного дерева.

– Саломея, дочка моя, помоги мне! – обратилась Мария к девочке.

Вскоре они вынесли из дома тёплые лепёшки, вкусно пахнущую похлёбку из фасоли в глиняном горшке и фрукты.

– Ешьте, дети мои! – говорила она заботливо, наливая похлёбку в глиняные чашки.

Филипп всё время стремился быть рядом с Марией, «своей мамой», и зачарованно смотрел ей в глаза.

Ели молча. Впервые за последние дни, во время преодоления трудной и длинной дороги, они насытились.

Во двор вошёл ещё один среднего роста мужчина и тоже с бородой.

Мария обрадовалась.

– Ещё один Апостол... Он Иаков, мой сын и брат Иисуса...

Иаков нежно обнял мать и улыбнулся всем.

– Мир вам! – сказал он и присел рядом с ними: – Вы ещё

не смотрели Крест Христа? – спросил он у Матери и Иоанна.

– Нет, – ответила Мария, – сейчас мы все вместе его посмотрим.

С трапезой было покончено, и Мария с Саломеей убрали посуду.

– Захарий, брат мой, достань, пожалуйста, своё творение!

Ювелир осторожно извлёк из-за пазухи свёрток из мягкого платка, развернул его и положил перед Марией на большой камень, который только что служил всем местом трапезы. На солнечном свете Крест Христа засверкал, заблестел, заискрился. Белизна вербного дерева передавала очертания Матери Земли. Лежал Крест на платке, как таинственная магическая Сила Света, как сгусток Высшей Воли.

Мария, Иаков, Иоанн смотрели на Крест задумчиво и долго.

Дети смотрели на них.

Захарий был в тревожном ожидании.

Наконец, Мария взяла Крест в руки и поцеловала его в то средоточие, где слились Небо и Земля, Вечность и Мгновение, Начало и Путь, Дух и Материя, Бессмертие и Смерть. Потом она перекрестилась и сказала:

– Брат мой, Захарий, ты Божий человек и создал чудотворный Крест Христа. Он утвердит в людях Веру в Бога и Любовь к ближнему... спасёт народы от бедствий и гибели... предотвратит войны и кровопролития... исцелит каждого, кто придёт к нему с чистым сердцем... Он прослужит

народам Земли многие тысячи лет и победно встретит Новое Явление Мессии...

Говорила это Мария медленно, как будто читая будущее Креста Христа на самом Кресте.

Она передала Крест Иоанну. Тот тоже поцеловал его и перекрестился.

– Пусть прославит Крест Христа Волю Бога! – сказал он и передал Крест Иакову.

Иаков долго держал его, всматривался в резьбу узоров и расположение благородных камней. «Великое искусство!» – проговорил он как бы для себя. Потом поцеловал Крест, перекрестился и положил его перед Марией на платок.

До захода солнца пришли и другие Апостолы: Симон Пётр, Матфей, Варфоломей и Симон Кананит. Они с глубоким почтением преклонились перед Марией и ласково всем улыбнулись.

– Вот наш Крест! – сказала Мария.

Каждый из них поочерёдно взял Крест Христа в свои руки, внимательно посмотрел, поцеловал его и перекрестился. Они были восхищены им.

– Крест этот чудотворный... – подтвердил Матфей.

– Мария, Матерь Христа, – робко произнёс Захарий, – мой сын Ра тоже сотворил Крест...

– Покажи, сынок, твой Крест! – попросила Мария.

Из-за пазухи Ра достал свой Крест и положил его рядом с Крестом отца.

Мария и Апостолы долго рассматривали его, восхищались способностями молодого ювелира и удивлялись внешнему сходству двух Крестов.

– Со временем Крест твой, сынок, тоже станет чудотворным. Пускай люди, искренне верующие в Бога и полные любви к ближнему, мощью своего духа наделят его чудотворной силой! – сказала Мария.

Солнце село.

Мария пригласила всех войти в дом и помолиться.

Они встали в круг на колени, Кресты положили в середине, и Апостол Матфей приступил к молитве. Все повторяли его слова. Каждое слово, звучащее из уст молящихся, было наполнено горячей любовью к Богу-Отцу и Сыну Бога Иисусу Христу. Молились они за людей Земли, за больных и калек, за бедных и голодных, за невежд и глупцов, за грешных и глухих сердцем. Горячая молитва длилась долго.

Вдруг сверху на Кресты опустился Живой Столб Света, который ярко освещал лицо каждого.

Захарий и дети смотрели на него зачарованные, переживая радость и блаженство.

К полуночи Матфей прекратил молитву.

– Аминь! – сказали молящиеся и перекрестились.

Каждый нагнулся к подножию Живого Столба Света и поцеловал оба Креста.

Все встали.

– Как быть с Крестами? – обратился Матфей к Марии.

Мария задумалась.

– Чудотворная Сила Креста Христа, который создал Захарий, велика. О нём, конечно, уже знают тёмные силы, которые пытаются овладеть им, чтобы уничтожить. Потому его надо держать в надёжном месте. Таким местом, я полагаю, являются Пещеры Философа, где есть и Пещера Господа.

– Сейчас царь Ирод Агриппа и римские власти ведут жестокие гонения на последователей Господа нашего Иисуса, – сказал Апостол Иоанн, – потому верующие создают свои Пещерные храмы, в глубокой тайне собираются там и молятся. Полагаю, что таким Пещерным храмом может стать и Пещера Господа, которую обосновал Апостол Андрей. Хранить там чудотворный Крест Христа будет уместно...

– Да, это мудро, – согласилась Мария, – чудотворную силу Креста Христа молящиеся волею своего духа, слитого с Волею Бога, могут направить туда, где в ней нуждаются, а также тем, кто нуждается в исцелении и спасении.

– Кроме того, – добавил Апостол Иаков, – в Пещере Господа Крест будет защищён надёжнее...

– Но Крест Христа должен иметь своего вечного хранителя... Пройдут годы, а потом столетия и тысячелетия... Что станет с Крестом в будущем? Чтобы сбылось предназначение чудотворного Креста, его необходимо охранять... Иначе он может оказаться в руках извергов и брошен в костёр...

– Ты права, Мария, – сказал Апостол Матфей, – Пещера Господа может надёжно хранить Крест сегодня, но времена

будут меняться... Значит, нужен Дух-Покровитель...

– Этот Дух присутствует среди нас... – сказала Мария.

– Да? И кто он? – спросил Иаков.

– Дух этой маленькой девочки, которую звать Саломея.

Дух её чист, силен и просветлён. В девочке открываются особые дарования – она может видеть будущее и уже на Земле готовить себя стать Небесным Покровителем Креста Христа... Но на такое мученическое служение необходимо её согласие...

Все обернулись к Саломее.

Пытливые взгляды Апостолов смутили её, и она покраснела. Но слова Богоматери вызвали в ней безграничное чувство радости и ответственности за столь великое доверие.

– Верно, – произнёс Иоанн несколько мгновений спустя, – в ней сильный и светлый Дух!

– Дочь моя, – обратилась Мария к Саломее, – тебе решать, согласна ли ты стать Вечным Хранителем Чудотворного Креста Христа? Крест этот единственный, другого такого не будет. А ему суждено подготовить человечество для последующего Явления Мессии... Он возьмёт из рук твоих в Свои Священные Руки Крест Свой и поведёт людей дальше по пути Света!

Мария заглянула в глаза девочки.

– Да, Святая Богородица! – ответила Саломея, чувствуя, что в ней говорит сам Дух её: убеждённо, с верою, с трепетом перед величайшим Зовом.

– Хорошо! – сказала Мария. Она положила руку на голову девочки и произнесла: – Я благословляю тебя, дочь моя, на Великое Святое Служение. Да будет Воля Господа нашего Иисуса Христа в сердце твоём! – Мария взяла Крест Христа, поцеловала его в точке средоточия всего, перекрестила им девочку и обняла её.

То же самое сделали Апостолы.

Саломея не знала, что сказать в ответ на всё происходящее, она только промолвила:

– Я счастлива!

В глазах Захария блеснули слёзы.

Иорам и Филипп были под сильным впечатлением от прошедшей церемонии.

– А как быть с Крестом, который сделал Ра? – спросила Мария.

– До меня дошли достоверные слухи, что на берегу Иордана один знатный римский вельможа по имени Юстиниан строит Храм Христа! – сказал Апостол Варфоломей.

– Это правда... – подтвердил Апостол Симон Кананит.

– Я предлагаю, – продолжил Апостол Варфоломей, – сделать обителью Креста этот Храм Христа. Дух верующих, как ты сказала нам, Мария, со временем сделает его чудотворным.

– А кто настоятель Храма Христа? – заинтересовалась Мария.

– Насколько я знаю, у них нет пока настоятеля...

– Как это? – заволновалась Мария. – А если придёт туда человек случайный и нечистый, не знающий Учения, куда он поведёт народ?.. Надо позаботиться об этом!

– Вот что ещё я знаю, – сказал Апостол Варфоломей, – полтора года тому назад рабочим, которые строили там дворец, принёс Учение Христа один маленький мальчик, племянник и ученик Апостола Андрея. Звали этого чудо-мальчика...

– Амон-Ра! – радостно воскликнул Филипп.

– Да, Амон-Ра... Ты знаешь его? – спросил Апостол Варфоломей Филиппа.

– Мы все его знаем... Мы его ученики, мы его друзья...

– Прекрасно... У Горы Оливковых Деревьев он слушал проповедь Иисуса Христа, потом Иисус благословил его и друзей, которые были вместе с ним...

– Но это же вы – Иорам и Саломея! – улыбнулась Мария.

– Да? – обрадовался Апостол Варфоломей, – значит, у меня есть свидетели? – пошутил он и продолжил: – Спустя некоторое время этого мальчика – Амон-Ра – злодеи забросали камнями... На строительстве остался его ученик, хотя он взрослый, пожилой мужчина. Звать его...

– Иаков!.. – опять не стерпел возбуждённый Филипп.

– Да, Иаков... Ты его тоже знаешь?

– Он отец Иорама...

Апостол Варфоломей взглянул на Иорама.

– У твоего отца прекрасный сын... – сказал он.

– Так вот, Иаков этот – мудрый божий человек. Он руководил строительством дворца римского вельможи, а теперь руководит строительством нового города и Храма Христа... Он же мог бы стать хорошим настоятелем...

– Иаков там как отец для всех! – воскликнул Филипп.

Мария явно была довольна.

– Замечательно! Только будет хорошо, если кто из Апостолов даст ему наставления и благословит на служение, – сказала она.

– Сделаю это я, Мария! – с готовностью отозвался Апостол Симон Кананит.

– Тогда мы благословляем тебя! – сказала Мария с согласия Апостолов.

– Дядя, возьми меня с собой! – не удержался Филипп. – Я дорогу знаю... Ещё отца повидаю, и Иакова повидаю... Возьми меня с собой, дядя... – и Филипп вдруг спохватился и обернулся к Иораму: – Отпустишь, Иорам?

Апостол Симон Кананит улыбнулся мальчику, а Иорам дал согласие.

Было уже за полночь, когда Апостолы, кроме Иакова, покинули дом Марии. Симон Кананит взял с собой Филиппа.

Когда оставшиеся улеглись спать, Живой Столб Света, как будто желая всем спокойной ночи, погас.

Глава 10

Утром, до восхода Солнца, Мария провожала своих гостей.

Она вручила Иораму маленький свёрток, в который уложила лепёшки, орехи, яблоки и гроздья винограда на дорогу, и дала каждому напутствие.

– Брат мой, – сказала она Захарию, – твои изделия есть дары твоего светлого духа, и даришь ты их миру на вечные времена. Береги их. Иисус говорил, что не надо давать святыни нашим псам и метать жемчуга нашим перед свиньями, ибо они попрут их ногами своими, а потом, обернувшись, растерзают нас самих... Силы тьмы не дремлют, они подстерегают каждого соработника Бога... Часто повторяй слова, которые любил говорить Иисус: «Пока Я в мире, Я свет мира».

Потом она обернулась к Иораму:

«Иорам, сын мой, ты прекрасный целитель, совершенствуй и дальше своё мастерство. Научись исцелять душу страдающего до того, как наложишь мазь на больное место. Это есть высший закон истинного целителя. Пока тело человека превратится в тело прокажённого, он уже стал прокажённым в душе... Ты напишешь самую мудрую книгу о целительстве... Но не забудь отвести маму свою к отцу. Они страдают друг без друга».

Мария ласково взглянула на Ра.

глядя на это зрелище, что снова не заметили огромного медведя и тех, кто следовал за ним.

Они-то веселились, но гневался в своём дворце прокуратор Понтий Пилат. Он был озадачен: не мог понять, какая сила заставила его легионеров переодеться в женские одежды и уже второй день устраивать клоунаду на улицах. Когда он вчера вызвал сотника, которого доставили прямо из бани, тот не узнал своего военачальника, показывал ему язык и, вообще, вёл себя дерзко и отвратительно. Станным было ещё и то, что, как ни мучился прокуратор, не мог вспомнить, какой он отдал секретный приказ сотнику.

Бунгло не оглядывался по сторонам, а остальные следовали за ним молча.

У ворот Геннафа тоже продолжалась вчерашняя история. Опять огромное количество людей окружило маленький дворик, выглядевший как клетка для зверей, внутри которого толпились солдаты со своим военачальником и кричали: «Помогите... Свет ослепляет меня!»

Опять никто не заинтересовался, что это за медведь такой и кто они, которые сопровождают его. Бунгло спокойно вывел своих друзей через главные ворота и пошёл по большой дороге.

Вначале они шли молча. Каждый вспоминал события встречи с Богородицей и Апостолами, думал о напутствии Марии.

«Мои изделия есть мои дары духа, так сказала Мария, –

размышлял Захарий, – но не для псов и свиней, а для истинных христиан... Она ещё сказала о силах тьмы, которые подстерегают каждого соработника Бога... Значит, силы тьмы... Кто же они?.. Могу ли я сотворить ещё какой-либо дар духа своего людям на вечные времена? – и старого ювелира вдруг осенило. – Создам Икону с обликом Иисуса Христа... Мне же представился Он и благословил Крест, я ярко помню Его облик...»

Иорам думал о высшем значении целителя: исцелять душу страдающего до того, как наложить мазь на больное место. Человек, сказала Богородица, начинает болеть в душе. «Как же мне исцелять душу? – думал Иорам. – Больная душа, наверное, требует другую мазь, но какую?» Ему ещё нужно будет написать мудрую книгу о целительстве. С чего начнёт он свою книгу? Конечно, с того, как он с Амон-Ра лечили людей. Иорам решил ещё немедленно отвести маму к отцу и тоже на время остаться в городе Солнца.

Облик и слова Богородицы Марии заполнили душу Саломеи. Она размышляла о том, какую возложили задачу на неё Матерь Христа и Апостолы. «Я Вечная Хранительница Креста Христа... Почему мне, ребёнку, доверили такое великое дело?.. Может быть, я уже не ребёнок?.. Но если даже я ребёнок, это доверие делает меня взрослой. Доверие свярых людей побуждает во мне чувство ответственности, вот я и выхожу из детства... Был бы рядом Амон-Ра, он бы помог мне разобраться со своим детством... Тьма ополчится на ме-

ня, потому что я Хранительница Креста, а ей надо завладеть Крестом, чтобы уничтожить его... Я не отдам его никому... Я буду беречь Крест и тогда, когда закончится моя жизнь на Земле, и я уйду на Небо... Как мой дух будет оберегать Крест, который останется на Земле?.. Я найду там Амон-Ра и он поможет мне...»

Мысли Ра были направлены на разгадку собственной тайны. «Я мальчик из Ниоткуда, – думал он, – но ноги мои сами привели меня к отцу Захарию. Почему так случилось? Ко мне приходят знания, хотя я их не приобретал и, вообще, ни у кого не учился. Они идут ко мне тоже из Ниоткуда?.. Отец Захарий назвал меня Ра из-за мальчика Амон-Ра, которого забросали камнями... Кто он?»

На эти вопросы он не находил ответы, то есть, из «Ниоткуда» знания не приходили. Но теперь он доверял словам Богоматери: «Живи по сердцу, и Истина откроется тебе».

Бунгло тоже размышлял о своём, о том, что силы тьмы не дремлют, а он охраняет Силы Света. Надо быть постоянно начеку.

Иерусалим остался далеко за путниками. Погруженные в мысли, они не заметили, что идут весь день без передышки. Солнце скрылось за горизонтом. Спускались сумерки. Саломея вдруг почувствовала, что очень хочет пить, и тут же услышала шум ручейка.

– Вы не хотите пить? – обратилась она к другим.

Оказывается, жажда мучила всех.

Они отошли от дороги и напились из ручейка. Вода была холодная, вкусная.

– А есть вы не хотите? – опять спросила Саломея.

– Да, да! – отозвались все.

– Дети мои, давайте устроимся ночевать здесь, под деревом... И ручей близко, и от дороги укрыто, – предложил Захарий.

Они расселись под широкоплечим и могучим деревом. В его ветвях стоя птиц тоже готовилась переночевать и шумно обсуждала прожитый день.

Иорам развернул свёрток Марии и разложил на платке его содержимое.

И как будто каждый из них впервые в жизни ел лепёшку, впервые ел орешки, впервые пробовал вкус винограда или яблока. Конечно, в самом деле, ели они все это не впервые, но такое они ели действительно впервые: необычно ароматная и мягкая лепёшка, необычно сладкий и вкусный виноград, необычно... И всем стало хорошо, ушла усталость.

Тем временем стихли птички, видимо, приготовились ко сну.

Но путникам спать не хотелось.

Первым заговорил Захарий. Ему не давала покоя мысль о тёмных силах, про которых говорила им Мария. Он не смог уяснить себе, что это за силы.

– Дети мои, послушайте меня! – начал дядя Захарий. – Помните, что сказала нам Матерь Христа Мария: нам надо

оберегать друг друга от тёмных сил, которые будут нас преследовать! Помогите старику разобраться, кто такие тёмные силы и откуда они берутся, и зачем им нужно преследовать нас?

Ребята переглянулись.

Никто не спешил дать старику наставления.

Молчание нарушила Саломея.

– Пусть скажет Ра, – сказала она.

Ра смутился.

– Я? Я не знаю, что сказать...

– А ты подумай и скажи... Потом мы тоже скажем... И так соберём ответ и для дяди Захария, и для нас самих. Нам тоже нужно знать, что есть тёмная сила...

Ра молчал.

– Ты не бойся, – подбодрила его Саломея, – ведь надо, чтобы кто-то из нас начал первым... Дядя Захарий спрашивает, а мы обязаны ответить так, как можем... Смелее, Ра!

– Тогда я буду говорить то, что придёт мне в голову, – сказал Ра, как бы извиняясь.

– Да, это нам и надо, – подтвердил Иорам.

– Ты не стесняйся, сынок, – добавил Захарий.

Совсем стемнело, ибо была безлунная ночь.

Сидевшие под деревом еле различали силуэты друг друга.

Ра улёгся на землю, прислонил голову к брюху Бунгло и обратил взор к звёздному небу. После нескольких минут молчания он заговорил. Говорил он медленно, с длинными

паузами между отдельными мыслями. Он говорил, но чувствовал, что не думает, мысли приходили как бы сами собой, а язык их озвучивал.

– Взгляните на звёздное небо...

Он произнёс эти слова тихо, почти что шёпотом.

Сотворил Бог Беспредельную Вселенную... То, что мы видим над нами, есть только малая часть Беспредельной Вселенной... Сотворил Он Землю и наполнил её Светом... Сотворил нас, людей, и поселил на этой земле... Поставил над нами светлых ангелов Своих и сказал им: «Вот даю вам людей, вложил Я в них образ Мой... помогите им раскрыть в себе Мой образ, развить свой дух и стать подобными Мне... И сделаю тогда Я из них строителей Вселенной, ибо беспредельна она... Светлые ангелы взялись за осуществление предначертанного Богом и вели людей по пути раскрытия в себе Его Образа...

Но среди светлых ангелов оказались и падшие, которые отошли от законов Бога и начали утверждать самость. Они воспользовались слабостями людей, соблазнили многих из них, повергли в грехи, направили на творение зла... И возникли на Небе и на Земле силы светлые и силы тёмные...

Увидел Бог, что губятся души людей, люди теряют путь к Свету, в котором Он сам пребывает, и послал Он на Землю Своего Сына, чтобы Тот принёс людям Слово и Закон Его, возродил в них любовь, помог им опомниться и обернуться к Истине...

Он раскрыл людям тайну Царствия Небесного... Имя его было Иисус Христос...

Когда входят в жизнь великие законы Бога, тёмные страшатся, ибо чувствуют поражение. Тогда они ещё с большей озлобленностью причиняют вред светлым силам и строят преграды на пути утверждения ими начертаний Бога... Увидели тёмные силы, что люди задумываются, каются, обретают веру в Бога. Испугались они, ибо почуяли поражение. Озлобились ещё больше и направили весь свой тёмный легион против Мессии. Люди, у которых помутнела душа и оглохло сердце, возвели Христа на Голгофу и распяли Его на кресте...

Но многие понимают, а в будущем поймут ещё больше, что есть Слово и Закон Бога, и с любовью и верою примут Истину, принесённую Иисусом Христом...

Тёмные тоже понимают, что силы Света всё больше будут расти, и стараются, и будут стараться впредь погасить Свет, навредить светлым силам, заманить их обманом, соблазнами, запугиванием.

Это сражение тёмных сил с силами Света ведётся и на Небе, и на Земле... Каждый из нас есть воин сил Света. Захарий – воин сил Света, Саломея – воин сил Света, Иорам – воин сил Света. И я воин сил Света. Мы служим умножению добра и любви на Земле.

Мать Иисуса Христа Мария знает, что тёмные силы могут навредить каждому из нас, чтобы погасить наши светиль-

ники, ослабить наши души, уничтожить плоды наших деяний, красоту наших мыслей... Потому нам надо будет быть осторожными, беречь друг друга, помогать друг другу, чтобы отразить нападки тёмных сил на нас и на других светлых людей.

Они могут напасть на нас как разбойники, как грабители и убийцы, как клеветники. Но могут прийти к нам коварно – в облике друзей, добродетелей, путников, калек, ибо рассчитывают на нашу добросердечность и доверчивость – и навредить нам.

Нам нужно будет опознать их и обезвредить...

Может случиться, что некие из тёмных сил, в которых ещё остались искры от Света, в соприкосновении мощи любви и доброты разорвут связь с тьмой. Нам надо будет опознать и таких и помочь им...

Самая надёжная броня защиты от тёмных – это вера каждого из нас во всемогущество сил Света и в светлый путь Бога...

Тёмных можно узнать сердцем нашим и по делам их...

Крест Христа, который сотворил по воле Бога мой отец Захарий, и защитником и хранителем которого есть Саломея, является могучей силой Света. Он может предостеречь многие бедствия в жизни людей и способствовать светлым начинаниям. Он чудотворный...

Тёмные знают, как мы опасны для них, какую Божественную Силу оберегает Саломея, какая светлая душа у Заха-

рия, как переполнено сердце Иорама любовью и потому, если уничтожат нас и завладеют Крестом Христа, то будет для них великая победа...

Наше противостояние тёмным силам не есть сражение только на Земле, то же сражение наши души ведут и на Небе...»

Ра умолк. Все поняли, что он говорить больше не будет.

Захарий, Саломея и Иорам оказались под сильным впечатлением от рассказанного Ра. Молчание длилось долго, каждому надо было осмыслить своё.

Спустя некоторое время Саломея сказала:

– Ра, ты говорил как Амон-Ра! – в голосе девочки звучало восхищение. – Скажи, откуда у тебя эти знания?

– Да, ты как Амон-Ра... – подтвердил Иорам.

А Захарию казалось, что Ра и есть Амон-Ра.

Если бы было светло, то они увидели бы, как покраснел Ра: его сравнили с Амон-Ра, с легендарным мальчиком!

– Откуда, Ра? – повторила вопрос Саломея.

А Ра не мог ничего сказать, кроме искреннего: «Не знаю... Чувствую только, что всё это – правда...»

Глава 11

Раньше всех приготовился в дорогу Бунгло.

Звезды ещё мерцали на небе, до восхода солнца было пока далеко.

Но Бунгло спешил. Оберегая сон своих друзей, он, тем не менее, немного вздремнул только на миг. В дремоте он увидел отрезок дороги через ущелье, а солнце светило прямо в глаза; и вслед за этим он увидел перекрёсток дорог, но солнце на этот раз стояло над головой. Очнувшись от мгновенного сна, Бунгло понял, что получил задание: утром он должен провести всех через ущелье, а в полдень – не раньше и не позже – они должны уже быть на перекрёстке дорог. Бунгло помнил этот перекрёсток, идти до него придётся долго, поэтому надо было будить всех.

Он подошёл сперва к Захарию и лапой дотронулся до его плеча. Захарий сразу открыл глаза.

– В чем дело, Бунгло? – прошептал он.

Бунгло покачал головой так, что Захарий сразу догадался: пора в путь.

– Доброе тебе утро, Бунгло! – Захарий пожал Бунгло лапу, встал, подошёл к речке и холодной водой прогнал с себя сон.

Всплеск воды разбудил Ра.

– Почему встал, отец? – прошептал он.

– Бунгло торопит, сынок!

Проснулись Саломея и Иорам.

– Почему ты будишь нас, Бунгло? – спросила Саломея у медведя, услышав, что он их торопит.

Бунгло покачал головою, подтверждая, что так надо.

Вскоре все они шли за Бунгло по дороге и тихо переговаривались между собой, боясь нарушить тишину вокруг, потревожить птиц и помешать лёгкому перешёптыванию деревьев.

Они обсуждали вчерашние мысли Ра и пытались глубже в них разобраться.

Тем временем показались первые лучи Солнца.

Они остановились, чтобы поприветствовать Солнце.

Потом Бунгло опять возглавил шествие и даже ускорил шаг.

– Бунгло, почему ты так спешишь? – спросила Саломея.

В это время они проходили через ущелье, которое было окружено густым лесом.

Бунгло пошёл ещё быстрее.

Саломее хотелось расспрашивать Ра о тёмных силах и о том, как им противостоять. Но не успевала за Бунгло.

– Бунгло, – сказала она тогда, – раз так, посади меня себе на спину!

Бунгло поспешно забрал её на спину.

Они почти перебрались через ущелье и продолжали бежать дальше, пока место это не осталось далеко за ними. Только тогда Бунгло сбавил шаг, а Саломея слезла с его спи-

ны. Всем было понятно, что Бунгло поступил так не зря и что они миновали какую-то опасность, но какую, они не могли знать.

«Нас подстерегали тёмные», – подумала Саломея.

А тёмные действительно подстерегали их.

Большому Мальчику сообщили, что из Иерусалима в сторону Города направился большой медведь и за ним следуют Саломея и ещё кое-кто. Озлобленный на медведя и на Саломею Большой Мальчик решил расправиться с ними, наказать их достойно. Узкое ущелье, потопленное в лесу, было для этого самым удобным местом. По его расчётам медведь и Саломея должны были пройти через ущелье до полудня. Поэтому он спокойно разместил свою разбойничью шайку в самых коварных уголках, каждого надёжно укрыл и дал задание. «Все: и медведь, и Саломея, и все остальные глупцы сегодня станут моими жертвами, – радовался Большой Мальчик, – я отомщу им, как отомстил я Амон-Ра». Он намеревался перекрыть им дорогу в ущелье, забросать камнями и пустить в них стрелы с отравленными наконечниками.

Однако Большой Мальчик просчитался: Бунгло провёл своих друзей через ущелье гораздо раньше, и потому Большому Мальчику пришлось сидеть в укрытии со своими разбойниками до вечера, так и не дождавшись появления своих «врагов». И в нём злоба умножилась стократно. Он приказал безжалостно избить доносчика из-за ложных сведений и поручил другим вести наблюдение за «пещерными крысами».

А Бунгло вёл своих друзей дальше и смотрел на Солнце: по нему он мерил свой шаг. И когда Солнце действительно встало над головой, он остановился и, к удивлению всех, улёгся у обочины дороги.

– Бунгло, что сегодня с тобой происходит? – спросила Саломея. – Ты устал?.. Тебе плохо?.. Скажи, что с тобой, Бунгло?

Но Бунгло посмотрел на неё с загадочным выражением своей морды и других каких-либо знаков не подавал.

Все присели вокруг Бунгло с надеждой понять, что означает его поведение.

– Наверное, так надо! – сказал Ра.

– Ну что же, сделаем передышку, – сказала Саломея.

Вдруг на дороге, которую они должны были пересечь, показался маленький караван осликов.

На четырёх осликах восседали всадники. Они в окружении вели семь – восемь человек в кандалах. Один из всадников возглавлял шествие.

– Кто они такие? – с тревогой спросила Саломея.

Она взглянула на Бунгло, но тот был спокоен.

– Кого они сопровождают, арестованных, что ли? – проговорил про себя Захарий.

Вдруг они услышали громкий голос всадника, который ехал последним:

– Господин, он уже мёртв!..

Караван остановился.

Господин, – тот, который возглавлял шествие, – слез с осла и подошёл к тому, кто его звал. Тот тоже слез с осла, на котором остался не выюк, а человек, висевший на спине осла как выюк.

Господин повелел сбросить его на землю. Потом нагнулся и долго проверял безжизненное тело.

– Он мёртв, господин... Он уже со вчерашнего дня мёртв, но я не говорил тебе, не хотел огорчить.

Господин привстал.

– Да-а-а, мёртв... – злобно сказал он. – Обманули меня, мерзавцы, продали мне больного раба... – и он выругался, и погрозил кому-то.

– Господин, прикажешь бросить его в канаву?

Господин стоял в нерешительности.

– Он же был художником... какой был хороший товар... продал бы его в Риме за большие деньги... Какой товар!..

– Господин, он уже не товар, а мертвец... Кто купит мёртвого раба, каким бы художником он ни был!

– Чему ты меня учишь? Сам не понимаю, что ли? – закричал господин гневно. – А если он оживёт, я же потеряю товар?

– Господин, – робко сказал тот, – он второй день как мёртв, не оживёт он больше... Тащить мертвого раба в Рим...

– Замолчи, говорят тебе... Не оживёт, не оживёт... Много ты знаешь... Говорят, ожил человек... Умер, положили

в гробницу, а на третий день ожил... Иисусом Христом его звали...

Господин закрыл глаза ладонями, видимо, молился. Потом приказал всем всадникам:

– Хорошо... Бросайте его в канаву... А может быть, похоронить?

– Зачем его хоронить, господин! Бросим в канаву и поедем...

– Потому, что был художником... Человеком...

– Пока мы выроем могилу, Солнце сядет, и мы застрянем на полпути...

– Бросайте... – согласился господин.

Трое потащили мёртвого к обочине дороги и бросили в канаву. Потом все сели на своих ослов. Рабы в кандалах все это время сидели на дороге и грустно наблюдали, как поступают с мёртвым рабом.

– Пошли! – закричали на них сидевшие на ослах и ударили их плетями. Те привстали, и караван двинулся.

Когда, погруженный в свои грустные думы господин подошёл к перекрёстку дорог, он неожиданно для себя увидел огромного медведя и заорал от страха.

Бунгло стоял перед ним на задних лапах, как гора, и не давал дорогу.

– Убейте его... убейте его... – кричал до смерти перепуганный господин, но ни один из трёх всадников не осмелился вынуть свои кинжалы из ножен. Рабы же, скованные в кан-

далах, с интересом смотрели на огромного медведя и на тех, кто стояли рядом.

– Господин, – обратился к первому всаднику Иорам, – нас не надо бояться... Освободи этих рабов и медведь ничего тебе не сделает!

– Что?! – заорал господин. – Освободить рабов?! Кто вы такие, что против закона идёте?.. Разбойники... Сопляки... Я вам покажу... Убейте медведя! – грозно приказал он оторопевшим всадникам, но те не сдвинулись с места.

Тогда господин, который даже мёртвого раба не хотел потерять без выгоды, прыгнул с осла, обнажил кинжал и бросился на медведя. Но тот ударом правой лапы выбил из его рук кинжал, который острием вонзился в землю. Господин схватил кинжал, но вынуть его из земли не смог.

– Господин, освободи рабов и иди с миром, – сказал Иорам спокойно.

В это время господина, тщетно пытавшегося выдернуть кинжал из земли, Бунгло взял, как маленького ребёнка, и посадил себе на шею. Господин сперва не понял, что с ним произошло. Потом, догадавшись, сверху закричал своим сопровождающим:

– Безмозглые, что вы стоите... Убейте медведя!

Те, наконец, решили показать свою храбрость и с кинжалами бросились на Бунгло. Но с их кинжалами произошло то же самое, а «храбрецы» распластались на земле.

– Господин, – сказал Иорам рабовладельцу, сидевшему на

шее Бунгло, – сними с них кандалы, и ты пойдёшь с миром...

Господин заплакал от злости и бессилия.

Рабы, их было семь, взирали с какой-то недоверчивой надеждой на большого медведя, на Иорама и на своего хозяина.

– Нет у меня ключей от оков, рабы мои, не сниму кандалы... – плакал господин.

– Они, конечно, твои, господин, – терпеливо объяснял Иорам, как бы успокаивая его, – но прояви милость и подари им свободу... Бог тебе воздаст...

Бунгло спустил с шеи господина и нежно прижал его к груди, как маленького ребёнка, погладил лапой, успокоил, облизнул.

– Господин, – продолжал Иорам, – мы не насильники... Ну что же, раз так, отпустим тебя с твоими рабами... Но не хочешь ли ты стать Божьим человеком и найти для себя путь в Царстве Небесном?

Услышав последние слова, господин в лапах Бунгло как-то разом изменился, сразу успокоился и, глядя сверху в глаза Иораму, спросил:

– Что ты знаешь о Царстве Небесном?.. Ты и о Христе тоже знаешь?

– Мы расскажем тебе обо всём, что знаем, если захочешь, но порадуй сердце своё благим делом...

– Спусти меня на землю! – сказал господин Бунгло, и тот покорно выполнил его просьбу.

– Вот, господин, ты свободен, мы тебя не держим и рабов

твоих не забираем... Можешь идти со своими слугами и рабами!

Но господин не спешил.

– Ты говоришь, что расскажешь мне о Христе...

– Да.

– Он был Мессией?

– Да, Он был Сыном Бога, мы встречались с Ним.

– Вот тебе ключи от оков, бери, освободи их, а потом расскажешь...

– Не я дарю им свободу, господин, а ты! – сказал Иорам.

– Ты прав. Освободить рабов своих должен я!

Он подошёл к каждому из них, открыл замки и снял цепи.

– Дарю вам свободу... Никто из вас уже не раб! – сказал он всем с каким-то умиротворением в голосе.

Потом он поднял руки и голову к небу и взмолился:

– Я не знаю, Господи, кто кого одарил свободой: я рабов Твоих, или они раба Твоего!.. Спасибо Тебе, Господи, за Мудрость Твою, за радость, которую доставил Ты моей душе!..

Он поклонился до земли и, выпрямившись, обратился к Иораму:

– Расскажи теперь о Царстве Небесном и об Иисусе Христе...

– Господин...

– Не господин я уже, а Джамал из Персии, так зови меня!

– Хорошо, Джамал. Но сперва посмотрим на того, кото-

рый в канаву брошен!

– Мёртв он, мёртв... Он свободнее, чем любой из нас! – горестно воскликнул Джамал.

– Тогда надо предать его земле.

– Ты прав, я тоже так думал... – сказал Джамал и, увидев Бунгло рядом с собой, спросил с испугом – А этот медведь не опасен?

– Для тебя и твоих путников он не опасен! – ответил Иорам.

Все направились в сторону канавы, где был брошен умерший раб. Его вынули оттуда и уложили на землю.

Иорам наклонился над мёртвым. «Он совсем моего возраста... и как его сделали рабом?» – подумал он с болью в сердце.

Саломея же, взглянув на мёртвого, закричала:

– Это же Феофил... Феофил... Иорам, спаси его... Оживи Феофила!..

Саломея заплакала, опустилась на колени и руками обвела лицо лежащего на земле мёртвого мальчика.

– Вы его знаете?! – удивился Джамал, но никто ему не ответил.

– Спаси, Иорам... Оживи его! – проговаривала Саломея в слезах.

– Он уже мертв... Никто его уже не оживит! – пробормотал Джамал с грустью. – Когда покупал его, говорили, что онхороший художник!

Иорам тем временем изучал тело Феофила. Может быть, осталась в какой-то части хоть капля жизни? Но нет! И Иорам не знал, как быть. А Саломея все плакала и умоляла:
– Спаси... Оживи...

Сердце Ра тоже сжалось от безнадёжного состояния мальчика, он был взволнован также и чувством сострадания, которое проявили все к Феофилу. И вдруг зазвучали в нём слова, которые он тут же тихо произнёс:

– Саломея, достань чудотворный Крест Христа и попроси в молитве, чтобы он помог Феофилу!

Саломея с удивлением взглянула на Ра, как бы спрашивая:
«А разве так можно?!»

– Достань Крест, Саломея, и попроси в молитве... – повторил ей Ра.

– Да-да, Крест... – произнесла она и вынула свёрток из-за пазухи, достала из него Крест, поцеловала и прижала к груди. Потом протянула его к безжизненному телу Феофила, и душа и сердце её воспламенились в молитве.

– Иисус Христос, молю Тебя, верни к жизни Феофила, дай ему прославить Тебя... Господи, молю Тебя... воскреси Феофила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.